ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК

ОТКРОВЕНИЕ

Елена Усачева

Влечение

Елена Усачева

Откровение

«Эксмо»
2009

Усачева Е. А.

Откровение / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2009 — (Влечение)

ISBN 978-5-699-38369-6

Кто может противостоять вампиру? И каким оружием нужно обладать, чтобы уничтожить создание ночи? Маша должна узнать! Должна научиться быть Смотрителем и защитить своего любимого Макса от таких, как она сама, но более опытных, сильных и безжалостных охотников на вампиров. Но девушка не понимает, что ее любовь может стать роковой ловушкой для того, кто ей так дорог…

ISBN 978-5-699-38369-6

© Усачева Е. А., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Глава I 6
Глава II 16
Глава III 26
Глава IV 36
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Елена Усачева
Откровение

Выражаю благодарность Хансу-Георгу Шнааку за помощь в переводе на немецкий язык

Слушая наше дыхание, я слушаю наше дыхание.
Я раньше и не думал, что у нас
На двоих с тобой одно лишь дыхание.
«Наутилус Помпилиус», В. Бутусов

Всегда ли мы уверены в происходящем, в том, что делаем? Насколько наши поступки зависят только от нас, от того, как мы все продумали? Вокруг свершается столько неизвестных, непонятных нам явлений. Много ли в случившемся нашего желания, нашей воли? Как часто то, чего мы так добивались, впоследствии не приносило радости. Мы живем в мире, во многом не зависящем от нас. Мечтаем об одном, а удовлетворяемся бледной копией своей мечты. Мы слепы перед судьбой. И только одно способно нас повести в нужном направлении. Древние называли это даром, средневековые мистики проклятьем, мы же зовем любовью…

Глава I
Ночные кошмары

«– Здравствуй, Маша!»

Я еще не повернулась, но уже знаю, кто стоит за спиной. Высокий, красивый, темные волосы взлохмачены, на губах легкая улыбка.

– Макс!

Лю-блю…

Ма-акс…

Звучит по-разному, но значит одно и то же.

Люблю-у-у… Ма-а-акс… Одна нота, один звук, одно слово.

Стоит его произнести, как вспоминаются глаза – прозрачно-голубые глаза, в которых моя судьба, его… Наша.

– Привет!

Не то, не то я говорю. Что со мной? Сколько я его не видела? Пять дней? Шесть? Вечность! Да-да, прошла вечность, каждую секунду наполненная Максом. Я им жила все время, и вот теперь он пришел. Пришел за мной, а я со своим жалким приветом…

– Здравствуй! – Я приподнялась в кровати. Макс осторожно сел рядом со мной. Это не сон? Я вижу его? Все позади – волнения, тоска.

Не верю… Не верю, не верю, не верю! Он? Здесь?

Я резко наклонилась вперед.

Очень сильные руки. Сильные и холодные.

– Почему тебя так долго не было? – шепчу я, хотя в душе уже поднимается восторг. Макс!

То же спокойное лицо, бледная кожа, темные волосы, упавшие на лоб, тонкий разлет бровей. И глаза… глаза, в которых хочется утонуть.

– Ты далеко забралась, – шепчет он. Губы чуть напряжены, в улыбке мелькают ровные зубы.

– Макс! – Я кидаюсь ему на шею, он перехватывает меня, не давая прижаться, прикрывает рот ладонью.

– Тише! – напоминает он мне.

И я все вспоминаю. Я не дома, не у себя в комнате, где от родителей меня отделяют надежная стена и закрытая дверь. Рядом спит мама. Мы уехали в Африку, на море. В Африку… Где очень жарко и постоянно светит солнце…

Солнце!

– Ты надолго? – Я с тревогой глянула в окно. Сейчас что? День? Ночь? Как Макс сюда вошел? Дверь номера закрыта.

– Сколько тебе захочется. – Его губы чуть дрогнули, и он, продолжая улыбаться, наклонился ко мне.

Сейчас…

В первую секунду губы еще холодные, но вот они постепенно нагреваются. Поцелуй заставляет меня крепче прижаться к Максу, раствориться в нем, стать с ним одним целым. Я обхватываю его руками изо всех сил, не хочу, чтобы объятия разрывались, но крепкие руки мягко меня отстраняют.

Как же так? Мы так долго не виделись! Прошла ведь целая вечность! Почему он не дает мне быть к нему ближе? Неужели снова устанавливает между нами дистанцию?

– Еще чуть-чуть, – тянусь я опять к его губам, но они плотно сжимаются, и я невольно поднимаю глаза выше. Его зрачки нервно пульсируют, голубизну пытается поглотить тьма. Пытается, но не может.

Макс берет меня за кисть левой руки, разворачивает ладонью вверх, проводит пальцами по двум еле заметным шрамам на запястье. Холод мурашками пробегает по коже. Хочется смеяться. Смеяться без остановки.

Это сон, чудесный сон… Макс здесь!

– Как ты добрался сюда? – шепчу я в склоненный затылок и закапываюсь рукой в его густые волосы. – Почему не появлялся раньше? Я так ждала. Тебя увезли, я не знала, где ты, что с тобой. – Я отстранилась, быстро поглядела на него и снова прижалась щекой к груди. – Мне вдруг показалось, что ты сдержишь обещание, данное Лео. Ну… не встречаться со мной больше.

– Я непослушный, – усмехается Макс и пристально смотрит на меня.

Я беру его ладонь, прикладываю к щеке. Вот бы так застыть навсегда. Только он и я. На такую вечность я была бы согласна. Другая мне не нужна.

Макс продолжает на меня смотреть, и в какую-то секунду мне кажется, что я не узнаю его лицо, оно как будто другое. Присматриваюсь… Нет, он тот же. В комнате полумрак, тени играют свои шальные игры.

– Но как же ты здесь будешь? – Я смотрю на зашторенные окна, и мне кажется, что сквозь них уже пробиваются первые лучи солнца. Пустыня, жар и бесконечные пыльные ветра.

– Ты забралась в самое неудобное для вампиров место. Тебе надо скорее возвращаться. – Его голос напряжен. Может, он устал и ему трудно быть рядом со мной?

– Возвращаться? – От радости, от неожиданности в голове все путается. Какой сегодня день недели? Среда, четверг? Но мы уезжаем только в воскресенье! – Раньше не получится. Надо подождать четыре дня.

– Я не могу ждать! – рычит Макс, резко придвигая меня вплотную к себе. – Мало времени. Возвращайся!

– Зачем? Ведь ты здесь! Мы что-нибудь придумаем, чтобы солнце тебе не повредило. У мамы есть хороший крем от загара…

Губы Макса дергаются в недовольной ухмылке.

– Нет, – качает он головой и начинает клониться ко мне. Я тянусь в ответ, пытаясь встретиться с его губами, но он ладонью отстраняет меня, заставляя неудобно вывернуть шею.

В душе холодным комком поселяется страх. Что-то не так. Макс никогда себя так не вел. Он всегда был осторожный, ласковый, внимательный. Откуда столько резких движений?

Пытаюсь снова заглянуть ему в глаза, но голову повернуть не получается.

– Меня здесь нет, поэтому ты обязана вернуться! Я тебя жду! – Голос незнакомый, раздраженный.

Я хочу освободиться, дергаюсь, но еще недавно такое нежное объятие превращается в стальной капкан. Перед собой я вижу пульсирующий темнотой глаз, оскаленные зубы. Нос с шумом втягивает в себя воздух. Даже не с шумом. Звук похож на что-то знакомое, словно где-то звенит телефон.

– Макс! – кричу я, уже не думая о том, что меня кто-то услышит.

Существо рядом со мной хохочет, ломая знакомые черты лица. Перед глазами мелькают белоснежные зубы, длинные клыки.

– Нет! Остановись! – кричу я, заранее предчувствуя смертельный укус.

– Майя! – издалека зовет мама.

Зубы вонзаются в шею, рождая боль. Голова дергается. Я изо всех сил отталкиваю прилипшего ко мне монстра, кричу, проваливаясь в пустоту. Навстречу мне несется музыка.

– Майя! Проснись.

Нет, рядом никого нет… Я скомкала мокрую простыню. В ушах еще стоял сумасшедший хохот, плечи помнили холодное объятие, шея чесалась от явственно представившегося укуса.

– Проснись!

– Мама?

Все спуталось. Где я? Где стол, телевизор, книжные полки? Почему опять закрыли окно?

Стоп! О чем я? Нет книжных шкафов. Я в Африке, в Египте. Осенние каникулы, мы с мамой уехали на море. Я в номере. И здесь никого, кроме нас, нет.

– Ты меня слышишь? – звучал мамин голос.

Номер просторный, но от духоты кажется маленьким и узким. Две кровати, между ними тумбочка. Длинная мраморная столешница идет вдоль всей противоположной стены. На ней телевизор, рядом тюбики с кремами, баночки, стаканчики, бутылки с водой, камешки, принесенные с пляжа. Круглый стол с такой же мраморной крышкой. В проеме распахнутой балконной двери еле трепещет белая штора.

И умирающий звук.

– Это твой телефон!

Звонил сотовый. Но сон еще держал меня, и я чувствовала себя скованно, боясь неосторожным движением причинить себе боль.

Я почесала шею, ощутив под пальцами только вспотевшую кожу. Укуса не было. А значит – все сон. Мне опять стали сниться кошмары.

Мама дернула верхний ящик тумбочки, и я успела заметить гаснущий экран телефона. Не дождались. Звонок смолк.

– Ну кому не спится в такую рань! – проворчала мама, пальцами подталкивая телефон ближе ко мне. – Возьми его к себе, чтобы не искать. Сейчас опять начнется.

Я осторожно протянула руку. Уверенности, что проснулась, у меня не было, поэтому я все ждала, что окружающее начнет меняться. Что моя недобрая фантазия в очередной раз подкинула мне шутиху, и телефон превратится в камень, тумбочка в табуретку, а шлепанцы на полу в домашние тапочки.

Мама зевнула, откидываясь на спину.

– Ты меня напугала, – растягивая слова от долгого зевка, произнесла она. – Так кричала… Опять что-то приснилось?

– Меня покусал вампир, – прошептала я, вглядываясь в незнакомый номер, определившийся на моем телефоне.

– Придет же такое в голову, – сонно пробормотала мама. – Это из-за твоих готов, не надо было тебе с ними связываться.

В ответ я хмыкнула. Правда помогает, а в моем случае даже выручает. Потому что в мою правду никто не верит, принимая ее за шутку. Мне и самой хотелось, чтобы она оказалась шуткой. Доброй и с хорошим концом.

Я смотрела на маму.

Для нее вампиры – сказка, придуманная готами. Для меня же это была правда.

– Кто звонил? – Мама уже почти засыпала. – Из города?

– Не знаю, номер неизвестный.

Телефон успел набухнуть светом и издать первые две ноты звонка, прежде чем я нажала кнопку приема.

– Алло! – Я пыталась стащить с себя простыню – намотавшись на ногу, она отказывалась меня отпускать с кровати.

– О господи… – простонала мама, отворачиваясь к стене.

– Здравствуй, Маша!

Голос заставил меня вздрогнуть. Дыхание перехватило, и я, победив простыню, выскочила на балкон.

– Макс, это ты?

Недавний сон встал передо мной со всей ясностью, потому что я собиралась задать Максу те же самые вопросы, которые задавала несколько минут назад.

– Что у тебя с голосом? – Мне показалось, будто из трубки льется холод. – Маша, что произошло?

– Ничего не произошло, сон плохой приснился, – заторопилась я. Вопросы теснились в голове, и я хотела поскорее их задать. – Макс, где ты? Ты еще в городе? Как ты себя чувствуешь?

Из динамика послышался далекий смех.

– Ты неисправима! – воскликнул он. – Вампира спрашиваешь о его здоровье. Лучше скажи, что за сон тебе приснился?

– Макс! Я очень соскучилась! Я хочу к тебе! – Чтобы не разбудить окончательно маму, я перегнулась через перила. Пускай меня слышит весь отель, только не мама!

– Маша! Какой сон? – требовательно проговорил Макс.

Я невольно выпрямилась. С чего начать? С того, как по нему скучала, как его образ постоянно вставал передо мной, стоило закрыть глаза? Как обрадовалась, увидев его пускай и в мире грез?

– Ты только не смейся, пожалуйста, – зашептала я в трубку. Услышала в ответ легкий смешок, но заставила себя продолжить. Свой страх я могла рассказать только ему. Только он мог меня понять. – Мне приснилось, будто ты приехал ко мне, сюда, что мы целовались… – Макс хмыкнул, и я поспешила оправдаться. – Но это же был ты! А потом ты превратился в страшного монстра и укусил меня в шею.

– От твоего поцелуя я превратился в монстра? – уточнил Макс, и я прикусила губу. Дурацкое сравнение. Прямо история про Медведя и Принцессу из «Обыкновенного чуда».

– Не издевайся, я очень испугалась. – Как жаль, что Макс сейчас не рядом. Так хотелось прижаться к нему, почувствовать его холодную уверенность и силу. – Мне не хватает тебя, поэтому я вижу такие сны.

– Это был не сон.

От неожиданности я чуть не выронила трубку.

– Что?

Со всех сторон меня вдруг обступила влажная тьма, она тянула ко мне свои руки-щупальца, пытаясь стащить с балкона. Я выпрямилась, отступая подальше от перил. Глянула на дверь – всего шаг, и я буду в номере.

– Это был сон… – как заклинание, произнесла я.

Хотелось отгородиться от страшных слов, спрятаться. Почему он так сказал? Ведь все не так! Не так…

– Это был не совсем сон, – попытался сгладить предыдущее сообщение Макс. – Ты только ничего не бойся.

– Как не бояться? – Я уже орала. Мне захотелось разбудить муравейник отеля. Но всем было на меня плевать. – Я хочу к тебе. Ты обещал, что мы будем вместе!

– Извини, ты сама далеко забралась. – Я почти наяву видела его красивое, неподвижное лицо, чувствовала исходящий от него холод, ловила на себе внимательный взгляд пронзительно-голубых глаз. – Я постараюсь что-нибудь придумать. Да, я обязательно что-нибудь придумаю. Не волнуйся. Вспомни, что он сказал?

– Потребовал, чтобы я поскорее вернулась. – Я зажмурилась, прогоняя ужасное воспоминание подальше, в самый пыльный и темный закуток моей памяти. – Почему ты так далеко? Я больше не могу быть здесь одна!

– Я скоро появлюсь. Жди меня. И ничего не бойся. Ты мне потом все расскажешь еще раз.

Трубка в руке начала медленно гаснуть, и я вспомнила, что не сказала Максу, где мы живем, не назвала город, название отеля. Как же он будет искать? И еще я не сказала, что люблю его, что последние дни прожила в диком напряжении, потому что не знала, где он, что с ним. Не успела объяснить ему, что не хотела ехать на курорт, что все получилось случайно. Что у меня уже нет сил ждать встречи – каждая минута без него отрывает от моей души по кусочку и бросает их в огонь моей тоски. Тоски, успевшей сжечь меня изнутри почти дотла.

Какое странное изобретение сотовый телефон… Только что я была с любимым, слышала его голос. Голос звучал настолько близко, что, казалось, вот-вот сам Макс шагнет ко мне на балкон, что протяни руку, и коснешься холодной кожи.

Ветер сухой горстью метнулся мне в лицо, зашелестел верхушками пальм. Их шорох заставил меня попятиться, вернуться в номер, задернуть окно шторой. И еще ногой перед собой провести, создавая знак – дальше чужому дороги нет. Потом я потянула подол футболки, делая сбоку маленький узелок. От всех бед сбережет. На удачу. Откуда во мне это? Никогда раньше не была суеверной…

После балкона комната показалась особенно душной. Ложиться в кровать не хотелось – она напоминала мне только что виденный кошмар. Так и представлялось: не успею лечь, как призрак вернется, я не смогу избавиться от него, и мне уже не увидеть настоящего Макса, не услышать его голоса.

Показалось, или на простыне остался след от сидевшего здесь гостя?

Я тихо застонала. Неужели все еще не закончилось? Чего всем вокруг от нас надо? Я люблю Макса, он любит меня. Его собратья вампиры свыклись с тем, что теперь есть я, что я буду рядом с ним. Даже мои любезные одноклассницы смирились с тем, что у меня самый красивый парень на свете.

Самый красивый… Я вспоминала Макса не в движении, не те слова, что он говорил, а как будто передо мной были разбросанные по столу фотографии.

Лошадь идет легким звенящим галопом, словно у нее под копытами не земля, а звезды. Макс в седле, он бросает взгляд назад, чтобы убедиться, не отстала ли я от него. Поворот головы, свет луны струится по его белоснежной коже, внимательный взгляд, чуть тронутые улыбкой губы. Тонкие пальцы легко держат повод. Еле заметное движение ногой, и лошадь срывается в карьер, унося всадника прочь.

А вот Макс на лестничной клетке около моей квартиры, сидит на ступеньках, ведущих к закрытому чердаку. Плеер, наушники, джинсовая куртка, черные перчатки. Макс внимательно смотрит на меня, будто упиваясь моим удивлением – я не ожидала его увидеть. Темнота лестницы скрадывает правильные черты лица, кладет тень около носа, обводит чернотой глаза. А Макс снова улыбается.

Одна за другой передо мной всплывали картинки, словно я фотографировала отдельные моменты наших встреч, а сейчас вытаскивала их из своей памяти, как из альбома.

И так некстати выпал последний «снимок» – Макс лежит на полу. Кожа лица натянута и кажется прозрачной, остановившиеся голубые глаза смотрят в потолок. И я кричу, кричу, что он не должен умирать, что он обещал жить вечно…

Хватит об этом! Я притянула к себе подушку, взбила, прижала к груди. Пять дней, что здесь нахожусь, я занимаюсь одними воспоминаниями. Они свели меня с ума, выжали, высосали все силы. Как раз тогда, когда мне следовало быть рядом с Максом, мама увезла меня на море. А все потому, что я, как-то не подумав, за пару дней согласилась с ней поехать отдохнуть.

Отдыхаю я по полной программе – ночью кошмары, на завтрак тоска, на обед грусть, на ужин печальные воспоминания. Хотя нет, не только печальные, попадаются среди них и хорошие. Но все равно они остаются воспоминаниями, не более того.

Как там Макс? Оправился ли он после яда, которым его накормил Дракон, не увез ли его Лео из города? А главное – любит ли он еще меня? Целых пять дней мы не виделись! За это время могло что угодно случиться!

Я откинулась на кровать, прикрывая лицо подушкой.

Как все было просто, когда Макс был рядом. Мне ведь многого не надо, только видеть, только знать, что он любит…

Мой отдых и до сегодняшней ночи был настоящей пыткой, а теперь еще этот непонятный сон. Или не сон?

А вдруг Макс и правда приедет? Как? На самолете? Но вампиры на самолетах не летают. И в поезде он не поедет. Вообще-то сюда поезда и не ходят. И как же быть с солнцем? Здесь оно такое яркое. Разве оно Максу не опасно?

Надо его остановить. Пускай дождется меня.

Я снова взяла телефон в руки. Экран ожил. Аппарат задумался, когда я затребовала список последних вызовов. Если Макс позвонил мне, то и я могу ему сейчас позвонить.

Появившийся на экране номер оказался каким-то странным, в нем не хватало двух цифр. Откуда же Макс звонил? И куда перезванивать мне? Или подождать еще одного его звонка?

Нет уж! Я нажала кнопку с зеленой трубочкой. Гнусавый электронный голос отозвался на неизвестном языке. Видимо, неправильно набран номер. Дала отбой и сунула трубку под подушку.

Ждать. Как всегда.

Я была уверена, что не усну. Лежала в кровати, смотрела, как наливаются светом шторы, грела в ладони телефон в тайной надежде, что Макс все-таки позвонит снова, а проснулась с ощущением тяжести на груди – простынка опять скомкалась, телефон валялся на полу. Солнце жарило комнату.

С трудом подняла голову. Опять день. Бесконечный солнечный день. Сжигающий немилосердный день. Такой пустой. Такой ненужный, когда нет Макса.

Даже сидеть было жарко. Чтобы хоть как-то привести голову в порядок, я пошла в ванную. Вода из душа текла теплая. Я терпеливо ждала, когда она хоть немного станет прохладней, но струя, не меняя вялого давления, оставалась такой же теплой. И непонятно, что меня теперь больше раздражало – что я так далеко от Макса или что время идет, а Макса все нет и нет.

Я накинула на плечи полотенце и вернулась в комнату.

Мамы не было. Она рано вставала: шла к морю, потом на процедуры и в ресторан на завтрак.

Завтрак… Как много бы я отдала сейчас за завтрак на моей кухне. Чашка крепкого кофе, такого крепкого, что горчит. Кусок сыра. От окна тянет холодом. Я смотрю во двор, пытаясь с высоты своего двенадцатого этажа разглядеть ожидающего меня Макса…

Со стоном я опустила голову на ладони.

Макс! Какая же это пытка – быть так далеко от тебя. Ну почему я ночью не сказала, что люблю его? А вдруг он меня разлюбил?

Нет, нет, не разлюбил. Ведь сказал, что приедет.

Я вновь глянула на пронизанную светом штору.

Куда же он приедет, если здесь одно солнце…

Собиралась я медленно. Сначала бессмысленно бродила между кроватями, трогая вещи. Вот стоит мой чемодан. А этот камешек я достала со дна, когда ныряла, чтобы посмотреть рыбок. На спинке стула висит оранжевый купальник. Второй, розовый, болтается на балконе. У меня два купальника. Хотя зачем два? На таком солнце все мгновенно высыхает.

На солнце…

Вернусь домой, возьму Макса за руку и буду ходить за ним хвостиком. Ни на секунду не позволю ему от меня отойти.

Скорее, скорее! Только не сидеть! Только не останавливаться!

Полотенце, крем от загара, книга, очки для плавания, панама. Ничего не забыла?

Собрав сумку, я опустилась в ногах кровати. Перед выходом надо посидеть на дорожку, подумать, чего не взяла. А то иди потом обратно за какой-нибудь мелочью… Утомительно ходить туда-сюда по жаре, к тому же возвращаться вообще нехорошо.

Да что же я все за приметы цепляюсь? Словно мне их кто-то подсовывает, напоминает: обрати внимание, не забудь!

Дверь захлопнулась с неприятно-громким щелчком. Я поправила на плече сумку и побежала вниз по ступенькам.

Наш корпус далеко от моря, но зато вокруг него пальмы, и солнце к нам в номер заглядывает только по утрам. Пальмы пыльные, все норовят завалиться набок. И везде, кругом цветы. Их здесь много – большие, яркие, смотрят вверх, задрав головки, словно бросают вызов природе – раньше-то здесь была пустыня. Единственное открытое место – детская площадка. Все остальное – тень, тень, тень. Место, где спрятаться, найти легко.

Кулаки сжались так резко, что ногти впились в ладони. Ну просто наказание какое-то! Я вновь говорю с Максом, словно он уже приехал, и я ему показываю территорию.

Интересно, вампиры умеют плавать? И какой степени защиты им нужен крем, чтобы не сгореть?

Надеюсь, Макс как-то разберется с этим. Он знает, куда едет. Сколько между нами километров? Тысяча? Две? Три? Неужели он сможет такое расстояние пробежать?

– Ты завтракала? – Мама уже была на пляже. – Не стала тебя будить. Кто тебе всю ночь названивал?

– Макс. Он спрашивал, как у меня дела, – пробормотала я. Солнце отражалось от белесого песка, и поэтому приходилось постоянно щуриться.

– Какие дела могут быть ночью? – Мама приподняла широкие поля шляпы, чтобы посмотреть на меня.

– Ему не спалось, – соврала я.

– И поэтому не надо было спать всем остальным?

Я бросила сумку на лежак, дернула узелок, поддерживающий парео на плечах, и пошла к морю.

Мама последнее время постоянно ворчит, и мне надоело выслушивать ее комментарии и замечания. Мол, Макс на меня плохо влияет, я стала меньше заниматься, пропустила несколько занятий на курсах в институте, пропадаю где-то по вечерам, общаюсь с сомнительными людьми, которые крутятся рядом с Максом. Да еще вопросы: кто они такие? Кто?

Кто, кто… Конь в пальто! Интересно, как себя вела бабушка, когда мама познакомилась с папой? Тоже твердила ей об учебе?

И почему бы маме не высказать свои замечания и вопросы Максу в глаза? Он бы нашел подходящий ответ, она бы успокоилась. Рядом с Максом все тают, даже моя мама.

С этими мыслями я и нырнула в море. Вода, с утра еще прохладная, приятно освежила голову. Я погрузилась еще раз, вновь невольно представив рядом Макса: он скользит рядом со мной, любуется тем, как я плаваю. Я хорошо плаваю. Ему понравится.

Я застонала, хлебнула соленой воды и быстро вынырнула. Если так пойдет дальше, заработаю нервное расстройство, как Лерка Маркелова, и меня под сирену кареты «Скорой помощи» увезут в психушку. Или в Египте никуда не возят? Сразу складируют в пирамиды и уходят пить дневной чай?

Эх, Лерка, Лерка… Как ты там сейчас? И как твоя новая крыса, прижилась? Как вы там все? Наверное, Пашка старательно ходит на тренировки по фехтованию и вымещает свое расстройство на подвернувшихся противниках, а могучая троица во главе со Стешкой гадает, куда мы с Максом одновременно исчезли.

Там у них сейчас хорошо – осень. Небо в тучах, из которых сеет бесконечный дождь. На улицах грязь, все оделись в черное и коричневое, отчего город превратился в безликое траурное шествие. Холодно. Может быть, выпал снег.

От этого воспоминания мне стало зябко. Я быстрее заработала руками и ногами, доплыла до буйка, поднырнула под него раз-другой и повернула к берегу.

В воде кажется, что я совсем не загорела. Странно, вроде бы столько же провожу времени на солнце, сколько и мама, но загар ко мне не липнет. Наверное, это от волнения. Макс приедет, а я все еще зеленого цвета. Надо загореть!

Я поспешно выбралась на берег, выдвинула лежак из-под зонтика с решительным намерением взять сегодня от солнца все.

Хватило меня минут на пятнадцать. Солнце палило нещадно, пришлось забраться обратно под навес.

Я достала книгу – Бунин, «Солнечный удар». «После обеда вышли из ярко и горячо освещенной столовой на палубу…»

А волн совсем нет. Море без волн какое-то странное. А горизонт размытый, и к нему совершенно не хочется стремиться. Хочется лежать без движения и не шевелиться…

«Ich liebe dich. Ich komme zurück»[1]. Эти слова безостановочно звучали у меня в ушах. «Я люблю тебя. Я вернусь». Макс сказал мне перед тем, как уехать. Конечно, вернется. Ведь я так жду!

Надо мной захрустел соломенный зонтик. Я вновь посмотрела на полоску горизонта, в которую упиралось сине-бирюзовое море. Его яркий свет казался неестественным. Сейчас ветер поднял мелкие волны, они безропотно разбивались о песчаный пляж и убегали обратно. По мелководью носились дети.

Сердце глухо стукнуло, напоминая мне о том, что не стоит себя понапрасну терзать.

Я подняла книгу к глазам, но строчки разбегались, чужая любовь казалась враньем. Накинув на лицо панаму, я глубоко вздохнула, пытаясь успокоить разошедшееся сердце. Но оно продолжало стучать. В прохладной тени стало жарко, ладони вспотели. Тревога заставила меня сесть, осмотреться.

Неспешные официанты цаплями вышагивали с подносами между отдыхающих. Неестественно красные, зеленые и оранжевые соки, прикрытые фольгой, грелись в фужерах на подносах. Трепетал от ветра флаг на будке спасателя. В двух шагах от меня женщина строила из песка замок.

Вроде бы все в порядке…

– Пойдешь завтракать? – Мама снова подняла поля шляпы.

– Да, проголодалась… – медленно ответила я, оглядываясь.

Что со мной? Откуда взялся страх? Сердце выпрыгивало из груди, дышать становилось тяжело, пересохло в горле. Все это могло означать только одно – поблизости вампир.

Вампир! Макс!

Я бежала с пляжа, на ходу завязывая парео. Панаму надвинула на глаза, чтобы никто не видел моей паники.

Мимо, как в замедленном кино, проплывали люди, от бассейна неслись довольные визги детей. Голоса бесцеремонно врезались в уши:

– Солнце очень жаркое…

– Давление поднялось…

– Звали врача…

Врача?

[1] Я люблю тебя. Я вернусь *(нем.)*.

Я остановилась. Навстречу шли мужчина, женщина, на руках между ними висела девочка в розовом сарафанчике… Двое парней медленно вышли из столовой… Большая компания прошествовала за кустами, донеслись веселые молодые голоса. Пробежали дети, еще дети…

И ни одной старушки. Ни одной. Как почувствовали!

Тревога повисла в воздухе – что-то происходило вокруг. Или должно было произойти в ближайшее время. Пожилые люди наиболее чувствительны к подобной опасности, они ощущают близкую смерть. Ощущают… вампира.

Макс все-таки приехал! Приехал!

Я вошла в полумрак кафе, взяла чашку кофе, села за столик. Если и правда он уже здесь и меня ищет, то не надо суетиться. Иначе мы точно никогда не найдемся.

Рука дрогнула, коричневая жидкость пролилась в блюдце. Я потянулась за салфеткой. Как же у меня дрожат руки! А что если это не Макс? Он ведь не единственный вампир на свете. Другой континент, в Африке могут быть свои вампиры. Которые не станут церемониться с человеком, способным их почувствовать. То есть со мной.

Так и не допив кофе, я вновь выбралась на улицу.

Лучше находиться под солнцем. Пока не появится Макс, надо вести себя осторожно…

– Что ты мечешься? – Мама с удивлением встретила мое возвращение на пляж. – Ничего не болит?

– Все в порядке, – прошептала я, сдернула парео и опять пошла к морю.

Ждать, будем ждать. Иногда ожидание полезней любых действий. Невыносимей – да, но полезней. Ну и сочетание!

В воде мне стало спокойнее. Тревога почти улеглась.

А может, ничего нет? Может, я просто разбередила себя собственными же фантазиями? Просто очень хочется видеть Макса. Мне без него плохо.

На пляже тоска вновь овладела мной. Я садилась на песок, и моя рука невольно начинала выводить букву «М». И рядом еще одну. Буквы «М.М.» были вышиты на платке у Макса, черном шелковом платке, которым он перетягивал мою рану. Макс Малер. Макс и Маша. Маша Малер…

Ой!

Я смазала вторую букву «М», оставив только одну, поставила ладошки вокруг нее заборчиком. Защита. Пускай у него все будет хорошо. И у меня тоже.

Весь день я спасалась от тревоги кофе, и к вечеру сердце мое колотилось уже независимо от того, есть кто-то опасный поблизости или нет.

Ужинать я не пошла.

Теперь я знала точно – любовь сродни сумасшествию. Абсолютно одинаковые состояния. Стоило мне посмотреть куда-нибудь, как мне виделся Макс. Чтобы окончательно не потерять рассудок, пришлось спрятаться в номере.

Солнце из комнаты давно ушло, но она еще была полна дневного жара. Наступил вечер. Легкий ветерок время от времени надувал штору, веял в комнату зноем нагретых уличных плит, соленым морем.

Взглядом я следила за движением шторы, загадывая, сколько раз она хлопнет грязным кончиком, опадая. Пять, шесть… Если до того, как стрелки добегут до двенадцати, она опадет больше десяти раз, будет хорошо. Если меньше… Не буду об этом думать!

Ветер стих, штора замерла. Я отвернулась. Спать не хотелось. Столько кофе, столько волнений…

Сна не было. Вдруг комната и штора исчезли, ушел жар. Я оказалась в знакомом спортзале, где проходят тренировки по фехтованию. Стою около стола и пробую по руке выложенные передо мной сабли. Вокруг тишина: нет привычных голосов, никто не бегает, не разминается, даже Сергачевой не видно, хотя тренер должен присутствовать при выборе оружия.

Клинки ложатся обратно на стол со звоном – и это единственный звук, что окружает меня. В зале пусто, но я знаю, что должны прийти. Со мной обещали потренироваться. И я не спешу, выбирая удобную саблю, потому что той, с которой всегда тренируюсь, здесь нет.

На столе остался последний клинок. Я протягиваю руку, и его у меня перехватывают. Я уже готова увидеть перед собой довольную физиономию Пашки Колосова, но человек с саблей быстро отворачивается и идет к стене. Это не Пашка, кто-то повыше и покрепче.

– Эй! – окликаю я. Что за таинственность?

Бегу следом, ноги будто прилипают к полу, и я никак не могу догнать своего противника.

– Подожди! – кричу я. Именно что кричу. Свой крик я слышу наяву, но сон, такой навязчивый сон, не дает мне проснуться.

– Обернись! – приказываю я, переставая бороться с непослушными ногами.

И человек оборачивается. Оборачивается медленно, нехотя и бесконечно долго. За это время я успеваю сделать несколько невероятно сложных шагов, прежде чем вижу… Макса.

Звучит команда: «Бой!» Макс улыбается, поднимает саблю. Какой бой? О чем они? Но натренированное тело все делает само – ноги встают в правильную позицию, оружие удобней ложится в ладонь… Я без перчаток? Неправильно! Клинок нельзя брать голой рукой! Тут же понимаю – Макс без защитного костюма и маски. Мы не можем с ним драться.

Я хочу сказать об этом тренеру, но Макс делает шаг вперед, и я наношу удар сверху по диагонали слева направо. Потом еще удар, еще. Я не собираюсь побеждать. Зачем мне драться против Макса?

– Нет! – пытаюсь остановиться я.

– Не убьешь ты – убьют тебя, – шепчет вкрадчивый голос. И я в отчаянии делаю шаг вперед, сабля задевает Макса. Он неожиданно подламывается и падает на колени.

– Ты что? – удивленно смотрю я на Макса. Отлично помню, что он бессмертный и оружием владеет лучше меня. Я не могла ему ничего сделать!

– Это мы с тобой бессмертные, а его время уже вышло.

Тренер… нет, уже не тренер медленно идет к нам, а мальчишка – высокий, худой, в джинсах и серой футболке. Но с каждым шагом он все больше и больше походит на… Макса.

Я тормошу опустившегося на колени Макса, и тот безжизненно заваливается на бок.

Я не могла его убить! Нет!

– У тебя не было выбора, – звучит надо мной голос. – Один из вас должен был умереть.

– Почему? – ору я. Ору так, что снова слышу свой голос сквозь сон, и все равно не просыпаюсь. – Почему?

– Потому что так расписаны роли в этой партии, – усмехается призрак, и я начинаю плакать. Слезы душат меня. Они заливают щеки и мгновенно замерзают. Лицо покрывается инеем. Сквозь сон я чувствую, как холод ползет по шее, подбирается к груди. Мне становится тяжело дышать. Я последний раз всхлипываю и – открываю глаза.

Теперь можно точно сказать, что я сошла с ума: ночь, сон закончился, но я продолжала видеть перед собой Макса.

Глава II
Мертвая луна

– Здравствуй, Маша! – прошептал Макс мне в волосы.

Мама на кровати глубоко вдохнула. Я испуганно взглянула на Макса, он понимающе кивнул, подхватил меня на руки и вынес на балкон.

– Как у тебя это получилось? – Я чувствовала знакомую прохладу его кожи, вдохнула морозный запах. Как же я по нему скучала! – Это и правда ты? Ты приехал?

– Плачешь?

Ледяной палец коснулся щеки, я вспомнила свой холод во сне. Понятно: Макс пытался меня будить поцелуями, а мне казалось, что слезы превращаются в лед.

– Не надо, – шептали его губы. – Никто не стоит твоих слез. Тем более я.

Хотелось закрыть глаза и слушать его вечно.

– Я тебя так ждала! – Слез больше не было. Я только всхлипнула, снова пряча лицо у него на груди. – Думала, всю ночь спать не буду, а потом… вдруг нарушился сон…

Холодные ладони подняли мое лицо, холодные губы коснулись века, и мне сразу стало легче. Тоска, тревога – все ушло, не оставив о себе даже воспоминания.

– Значит, я пришел вовремя. – Макс снова прижал меня к себе, и я почувствовала, как мне становится хорошо. Ненавижу жару и Африку. Ненавижу солнце. Пускай всегда будет осень, пасмурно и сыро!

Но вокруг была все та же душная южная ночь. Она шумела далеким морем, шелестела листьями пальм, охала сонными звуками.

– Но как… – начала я приходить в себя, – как ты здесь очутился?

– Я шел за луной. – Макс придвинул к себе белый пластмассовый стул, сел, устроив меня на своих коленях. – Солнце идет с востока на запад, и я от него убегал, догоняя луну. Получилась несколько затянувшаяся ночь.

Это надо было как-то представить. Вот Земля. Она вертится. Солнце медленно ползет с меридиана на меридиан, и Макс, прыгая с одной воображаемой линии на другую, мчится вперед.

– А тебе здесь не опасно? – Я глянула в ночь. Сколько времени?

– Мне опасно, когда тебе плохо.

Макс запустил руки мне в волосы, и духота Африки отступила. Я почувствовала себя дома, в своей комнате на двенадцатом этаже. Мне было хорошо и прохладно. Раньше Макс всегда ходил в перчатках. Сейчас он без них, и я впервые ощущаю его холодную ладонь у себя на голове.

– Что тебе приснилось?

Я опустила глаза. Сон оставил неприятное ощущение, и вспоминать его не хотелось.

– Я так скучала… – вместо рассказа начала я. Зачем говорить о сне? Пускай все кошмары останутся в прошлом.

Макс притянул меня к себе.

– Я не мог появиться раньше. Там, в городе, – он запнулся, – остались кое-какие дела. Надо было кое-что завершить.

Интересно, как ему все эти пыльные пальмы, соленый воздух? Наверное, жутко.

– А что в городе? – ухватилась я за его последние слова.

– Пока все спокойно, – как-то странно сказал он, словно сквозь зубы.

– Все? – переспросила я.

Почему он отводит глаза? Откуда такая отрешенность во взгляде?

– Возникли кое-какие сложности. – Макс взял мою руку и развернул ладонью вверх, посмотрел на линии на ней. У него были бледные тонкие пальцы. Сквозь прозрачную кожу виднелись фиолетовые жилки. Синеватые ногти аккуратно обработаны и блестели, словно их отполировали. Кожа руки была гладкая, без морщинок и складочек. – Хм, ты, оказывается, фантазерка, – пробормотал он, – смотри, как развит у тебя холм Луны. – Он показал на нижнюю часть ладони с противоположной стороны от большого пальца. – А линия жизни у тебя ровная и четкая. Ты долго проживешь…

– Макс! – Я склонилась, чтобы заглянуть в его опущенные глаза.

Он поджал губы, улыбнулся. Нет, ни о каких сложностях, возникших в городе, говорить он не будет. Скорее два часа посвятит разгадыванию линий на моей ладони, чем за пять минут все мне скажет. Я уже открыла рот, чтобы потребовать объяснений, ведь я могла помочь, я уже однажды помогла… Но он опередил меня:

– Никогда не был в Африке. Здесь так жарко, и будто воздуха не хватает. Как ты здесь можешь находиться?

– Да, очень жарко, – кивнула я, чувствуя себя вдруг немножко вампиром. – И еще кошмары начали сниться… Наверное, от духоты. – Я осторожно посмотрела на любимого.

Он должен был кивнуть или сказать «да», но не делал ни того, ни другого. Смотрел на пальмы и молчал.

– Почему ты по телефону сказал, что это был не сон? – Я откинулась, готовая вот-вот соскользнуть с его колен, но он удержал меня. – А сейчас мне приснилось, что мы с тобой дрались на саблях и я тебя убила!

– Canaille[2], – прошептал Макс, закрывая глаза.

Мне оставалось только смотреть на него. Голова внезапно оказалась пустой. Я ничего не понимала. Почему он так реагирует? Почему ничего не рассказывает? Хотелось засыпать его вопросами, но слова путались. Их надо было как-то так собрать, чтобы получился единственно верный вопрос. Вопрос, на который нельзя не ответить. Но ничего не получалось – слова разлетались испуганными бабочками. Оставалось только то, что я люблю его, и все сделаю, чтобы ему было хорошо. Следом приходило понимание – ему хорошо, значит, хорошо и мне. Это так просто. Это так легко.

Макс вслушивался в живую тишину ночи. Руки его были напряжены, я видела, как под футболкой напряглись мышцы.

– Давай куда-нибудь пойдем отсюда? – вдруг предложил он.

– На море! – не задумываясь, воскликнула я и смутилась. – А тебе можно на море? Ты потом еще задержишься, или тебе надо уходить?

– Verdammt![3] – негромко выругался Макс, поднимаясь и ставя меня на пол. Ступни встретились с холодной плиткой на полу балкона.

Как я могла забыть? Выгляжу ужасно! Босиком, на мне старая вытянутая футболка, голова лохматая – придя с пляжа, я ее не вымыла…

– Я только переоденусь! – заторопилась я.

– Не надо. У нас немного времени.

– Ты уходишь? – испугалась я.

Макс застыл, закрыв глаза, и я решила, что сейчас услышу смертельное «да».

– Не говори, не говори, – потянулась я к нему. – Может быть, сегодня не будет солнца. Может быть, сегодня пойдет дождь!

– Маша, не в том дело, – качнул головой Макс, обнимая меня за плечи. – Это действительно были не совсем сны.

---

[2] Мерзавец! *(итал.)*

[3] Проклятье! *(нем.)*

Он обхватил меня сильнее и прыгнул через перила. Мы взвились в воздух, а потом теплый ветер ударил мне в лицо. Я легко могла представить, где мы бежим – по дорожкам, выложенным плитками, мимо детской площадки, ресторана, мимо ярких цветов…

Ночь надвигалась на нас темной громадой моря. Макс осторожно поставил меня на ноги около воды. Бриз шелестел волной и будто перебирал в своих пальцах мелкий песок. Изрезанная лунная дорожка струилась по водной глади, утекая за горизонт.

– Не сны? – Вопрос застыл у меня на языке, еще когда мы стояли на балконе, и теперь я его просто отпустила. – Но я видела тебя! И ты был такой, как сейчас!

– Да, но… – Макс еще держал меня сильно-сильно, и мне передавалось размеренное биение его сердца. Удар за ударом. Медленно-медленно. И мое сердце, подстраиваясь под его ритм, успокаивалось.

– Вчера ты пришел, – шептала я в его голубые глаза, – сел на кровать, поцеловал. Как сейчас! – Мне не было стыдно, что я говорю это, ведь поцелуй был точно такой же, как тот, который Макс подарил мне только что. – Все происходило как наяву.

– Не я… к тебе приходил не я. – Макс говорил медленно, словно ему было тяжело говорить. – Но кое-кто хотел, чтобы ты думала, что это я!

– Что это значит?

Он смотрел на низкую луну. Еще недавно полная, сейчас она кособочила, норовя завалиться налево. Я не понимала его молчания. Я боялась недоговоренностей, пауз между словами.

– Зря я приехал! – Макс поставил меня на песок, быстро пошел мимо лежаков. – Очень опасно. Для тебя, – прошептал он еле слышно. Если бы не ветерок, подувший в мою сторону, я бы не услышала.

– Почему зря? – Мне пришлось за ним бежать. – А как же я?

– Маша! – Макс резко повернулся, на плечи мне легли холодные ладони. – Это были не совсем сны. Тебе их специально показали.

– Специально? – Я пыталась улыбаться. – Но ты сам говорил – вампиры на меня не могут воздействовать, я не поддаюсь вашему гипнозу. Я же Смотритель! Ты забыл?

Макс нахмурился, поджал губы. Нет, он ничего не забыл, а значит…

– Никакого гипноза не существует. – Макс снова закрыл глаза. – Просто человеку иногда надо немного помочь увидеть то, что он хочет. Ты хотела увидеть меня. И ты меня увидела. Вряд ли ты вообще могла бы во сне увидеть кого-то другого.

Я оглянулась. Такое знакомое место! Зонтики из листьев пальм, далекие крыши бара, море, за вечер подобравшееся к самым лежакам… Но все это вдруг стало далеким и чужим. Мягкий шелест волны превратился в противный скрежет.

– Кто это был? – Я перестала чувствовать себя в безопасности. Такой огромный, такой надежный мир съежился до размера воздушного шарика, готового вот-вот лопнуть.

Макс молчал, его взгляд был прикован к луне. Я заметила, что он как-то странно складывает пальцы – крестом. Закидывает на указательный палец сначала средний, потом безымянный, потом мизинец.

– Кто? – Я пыталась поймать его взгляд, но перед Максом я была, как всегда, бессильна. – Все ведь закончилось! Мы можем быть вместе!

Мы уже пережили самое страшное – нас пытались развести, поссорить, погубить. Не удалось! И теперь Макс здесь, пусть на минуту, но со мной. Преодолел тысячи километров, чтобы мы встретились. Может быть, даже смертельных километров…

С Максом происходило что-то страшное, я видела. Лицо спокойное, взгляд чуть напряжен – но это было внешнее. Он что-то решал для себя. Решал, не собираясь советоваться со мной!

– Макс, я люблю тебя.

Он качнулся от моих слов, как от удара.

– Меня… – начал он и запнулся. Потом словно собрался с силами и продолжил: – Меня не будет какое-то время.

– Я умру, если ты уйдешь. – Странно, что я говорю так спокойно.

– Ты умрешь, если я останусь.

Какие удивительные слова… По отдельности понятные, но вместе они отказывались соединяться в моей голове.

– Я! Люблю! Тебя! – из последних сил выговорила я, потому что больше ничего не смогла бы сказать.

– Какое-то время, – с нажимом повторил Макс.

Перед глазами словно взорвался сноп искр, и вместе с болью пришло осознание того, что я услышала сейчас.

– Тебе Лео посоветовал? – прошептала я. Мне нужно было срочно отыскать причину ужасных слов Макса, я должна найти виновного и уничтожить его прежде, чем произойдет нечто страшное. Лео! Да, во всем виноват Лео. И Катрин. Только они могут желать, чтобы мы расстались!

– Лео не знает, что я здесь. – Голос Макса стал отчужденным. – Лео вообще ничего не знает.

– Лео не знает, а ты знаешь? – Во мне начало просыпаться бешенство. – Что ты задумал? Не забывай, мы теперь с тобой вместе!

Макс поднял камень и бросил его в лунную дорожку.

– Давай оставим это без объяснений. – Камень бесшумно упал в воду.

Чернота метнулась, слилась с темным небом, лизнула неверные звезды.

– Да, оставим. Потому что никаких объяснений у тебя нет. Я тебя не отпущу. – Я вновь подошла к Максу, взяла за руку. Буду держать его крепко-крепко, и он никуда не сбежит.

Руки сами опустились. Ничто его не остановит. Ничто.

Макс смотрел на море. Испуганно мерцающие звезды жались к краю неба, подальше от луны, и в какой-то момент мне показалось, что их контур вырисовывает мне лицо Макса. Самые смелые звездочки превратились в конопушки на его носу.

Я уже хотела показать ему это, повернулась и натолкнулась на взгляд совершенно незнакомых мне холодных глаза.

– Маша, – морозные руки коснулись моих плеч, – мы не можем быть вместе.

– Ты приехал сюда, чтобы сказать мне об этом? – В его словах чувствовался подвох. Что-то происходило. Что-то было не так. Наверняка тут замешан Лео. И Катрин. – Мог бы и не утруждать себя столь долгой дорогой.

– Маша, мы должны расстаться.

– Нет! – Я сжала его руку. Не уверена, что он почувствовал мое пожатие. – Мы не можем расстаться! Ты любишь меня! Когда любят, не расстаются!

Он молчал долгую секунду. Это было то самое молчание, которое означает согласие.

– Соври что-нибудь поубедительней, – буркнула я.

Макс не шевелился.

– Ненадолго, на время. Но расстаться, – по крупицам выдавливал из себя слова Макс. – Ты закончишь школу. Станешь свободней, и…

Только не еще одно расставание! Я его не вынесу. Мне хватило пяти дней, которые чуть не свели меня с ума.

Я прижалась к нему сильно-сильно, ткнулась лбом в его упрямую грудь.

– И не говори мне, что ты старше! – прошептала я его сердцу – оно было рядом, я слышала тяжелые размеренные удары. – Не надо ничего ждать, от ожидания ничего не изменится.

Он обхватил меня за плечи, заставив поднять голову.

– Нет, надо подождать.

Это до мельчайшей черточки знакомое лицо, родные голубые глаза, всегда напряженные губы, скрывающие тайну и выдающие мне сейчас страшный приговор…

– Все успокоится, и я вернусь.

– Нет!

Руками мне его не удержать. Может, взглядом? Но глаза Макса так холодны, в них столько отрешенности, что мне страшно на него смотреть.

– Если ты думаешь, что меня испугает кучка каких-то вампиров, то ты ошибаешься. Без тебя я не смогу жить. Потому что ты единственный, кто мне нужен, единственный, с кем мне хорошо. Я люблю тебя.

Мне хотелось говорить еще и еще, спорить, доказывать. Но слов не хватало. Я могла только повторять и повторять: «Я люблю тебя! Я не смогу без тебя жить!»

Жить! Это так по-человечески, а Макс… Вдруг у вампиров все не так? Вдруг любовь у них понимается как-то по-другому? Ведь когда в запасе века, можно тянуть время, метаться туда-сюда. Но у меня-то впереди вечности нет!

– Diablo![4] Маша, ты еще не сталкивалась с настоящими вампирами. Они страшные существа, никого не жалеют. Для них человеческая жизнь ничто. Для них не проблема убить человека, вставшего на пути. А ты, Маша, именно ты, то самое препятствие, что непременно будет вставать на пути у вампиров.

– Ты забываешь: я буду не одна, мы будем вместе, и ты всегда меня защитишь.

Макс опустил голову. Вокруг него разлилась темнота, вспыхнула сотней черных языков и всосалась в ночь.

– Ты оставляешь меня одну? Хочешь меня предать?

– Это не предательство. Это спасение.

– Я тебя не отпущу! – Двумя руками я вцепилась в его руку, понимая всю бессмысленность своего поступка. – Не уйдешь, пока все мне не объяснишь! – Что я говорю? Какие ставлю условия? Надо плакать, надо умолять… – Ты вообще не уйдешь! – Мой голос сорвался. – Мы будем вместе!

Макс отрешенно смотрел на горизонт.

Это было неправильно. Это было невозможно. После всего, что с нами произошло, он не мог так просто взять и уйти. Столько усилий, столько страданий! Их нельзя перечеркнуть одной фразой «Мы должны расстаться»!

– На время, – опять повторил Макс. – Это необходимо.

– На время?

В душе поднималась паника. Я не удержу его. Он уйдет. Уйдет навсегда. Из-за чего? Из-за каких-то моих снов?

– Сто лет? Двести? – Я уже орала. А почему бы и не триста? С его-то талантом к долгожительству и все пятьсот потянуть можно…

– Ты не понимаешь! – зарычал Макс, отворачиваясь. – Нам просто необходимо сделать вид, что мы не вместе. Это нас спасет.

– От чего?

Любимый, ты думаешь, все так просто? В таком случае, ты не знаешь, что такое любовь!

После того сумасшедшего вечера, когда Макс умирал, и я не знала, что делать… после того сумасшедшего вечера, когда клинок огнем полыхнул по руке, и я увидела распахнутые глаза Макса, увидела, как пульсирует его зрачок, с каким трудом он удерживается, чтобы не укусить меня и не превратить в себе подобного… после того сумасшедшего вечера я многое поняла, и главное – что ради любимого я готова на все.

---

[4] Дьявол *(итал.)*

К переносице подступили слезы. Стало обидно. Я так ждала! Я столько всего передумала! И зачем? Чтобы услышать такие страшные слова?

– Давай отложим разговор до дома. – Я глубоко дышала, пытаясь сдерживать накатывающую истерику. – Я вернусь в воскресенье, и мы все решим.

– Нет. – Макс попятился. – Мне пора. И я очень тебя прошу – не ищи меня. Я сам найду тебя.

– Хочешь, чтобы я пообещала не искать тебя? – Я закусила губу. Ах, какое изящное вранье: «Я сам найду тебя»! Словно нельзя было то же самое сказать по-другому.

– Не хочу, – качнул головой Макс.

– Ich liebe dich! Ich komme zurück! – выкрикнула я слова, которыми жила последнюю неделю.

Макс попятился. Лицо его по-прежнему оставалось спокойным. Но то было тяжелое, убийственное спокойствие.

– Ну и убирайся! – Я сжала кулаки. – Катись отсюда к Лео и к своим ненаглядным вампирам! Ты жестокий и бесчувственный! И я тебя ненавижу!

Макс быстро поднял на меня глаза. Больше я ничего увидеть не успела. Боль пронзила меня насквозь, сердце сжалось, перебивая дыхание. Я ловила ртом воздух, но дышать было нечем. Слезы быстро-быстро катились из глаз.

Макс продолжал стоять передо мной. Мой красивый убийца.

– Прости. Я потом все объясню. Я люблю тебя. И всегда буду любить. Луна уходит. Мне пора.

Он шагнул к морю.

Воздух с всхлипом вошел в меня. Что я наделала? Он же сейчас уйдет! Уйдет навсегда!

Голова кружилась. Надо бежать к нему, держать его, не отпускать! Но какие действия для этого надо совершить, было непонятно. Ну вот что, что мне надо сделать?

Его силуэт мелькнул на фоне дробящегося на водной глади отражения луны и исчез.

Ноги подкосились, и я упала на жесткий песок.

Туп, туп… – устало отозвалось сердце, и из души словно выдернули занозу. Я легла щекой на пропитанный солью берег. Слезы текли тихо-тихо, неприятно щекоча щеку.

Слезы – соленые. Вода – соленая. На губах стыла соль, и я чувствовала, как она стягивает кожу. Глаза закрывались. Я так устала…

«Я тебя ненавижу!» Собственный крик заставил меня сесть.

Надо пойти к нему, сказать, что все не так… Что я просто разозлилась, устала ждать… Что на самом деле я люблю его…

Но говорить было некому. Море шумело, и в его шуме мне послышался смех.

Обдирая коленки, я подползла к тому месту, где только что стоял Макс. На песке отпечатались глубокие следы. Еще один след чуть в стороне, и все. Исчез. Растворился в воздухе. Пропал. Как будто его и не было.

А может, и правда его никто не видел, только я? Может, мне все показалось?

Вспомнилось, как он складывал пальцы. Так смешно…

Я обхватила себя за плечи, пальцы скрутили отвисший рукав футболки. Босым ногам стало холодно.

Как бы я пришла сюда в одной футболке, босиком? Нет, меня сюда принесли. Меня пригласили на прогулку. Пригласили?

Море – есть. Колючий песок – есть. Звон в ушах. Даже треклятая луна в небе. А Макса… нет?

Я опустила ладонь на оставшийся на песке след. Остановить, удержать хотя бы воспоминание о нем… Я смотрела на отпечаток и боялась, что он прямо на глазах исчезнет. Но все

оставалось, как было. Только появился новый след – от моей ладони. Его след и мой переплелись.

Из моей груди вырвался стон.

Да как он вообще посмел уйти!

Ушел… Мною вновь завладела паника. Усилием воли прогнала ее от себя.

Нет, не так. Да, он ушел. Но ушел *почему-то*. Если бы Макс хотел меня бросить, совершенно ему было не обязательно мчаться за тысячи километров на другой материк. Не давал бы о себе знать, растворил бы меня в неизвестности. Но он приехал, значит, у него была какая-то цель. Хотел поговорить о моих снах? А что в них такого?

И вдруг я успокоилась. Он вернется! Конечно, вернется! Что-то заставило его уйти. Что-то случилось. Он сам сказал – любит, всегда будет любить, и надо только подождать.

Подождать…

Запрокинув голову, я с силой ударила кулаком по отпечатку на песке.

Это все происходит не со мной!

Обхватила себя руками за плечи. Холодно… как же мне холодно! Тревога когтистой лапой поскреблась по душе. Пробежали по телу противные мурашки. Я глянула на изломанную лунную дорожку. Она была такая… уверенная. Такая… спокойная.

– Макс! – крикнула я убегающей за горизонт дорожке. – Ты знаешь, мы встретимся! И все будет как раньше! Я люблю тебя и очень хочу, чтобы ты вернулся!

С еле слышным недовольством волна набежала на берег, зашипела и терпеливо отступила обратно. Потом снова возмущенный гул, всплеск и – покорный отход.

Я опустила голову на колени. Скоро рассвет. Наступит утро, и я проснусь. Проснусь и буду снова ждать Макса.

Пробуждение мое было неприятным. Я с трудом выпрямила поджатые ноги, почувствовала, как по телу пробежал озноб, и не поддалась желанию снова свернуться калачиком. Давно забытое чувство прохлады. Однако я сильно замерзла!

Солнце уже встало. Я лежала на песке в тени зонтика, и утренний ветерок покрывал мою кожу мурашками.

Море отступило, словно боясь: вот сейчас я встану и накажу его за то, что оно явилось свидетелем нашего с Максом разговора. Безмолвным свидетелем, который ничего не смог сделать.

Я сгребла в ладонь горсть песка.

– Пускай он вернется, – прошептала я, поднеся сжатый кулак к губам. – Приеду домой, и все станет, как раньше. Сделай так, пожалуйста!

Песок полетел в море, волна подхватила его и забрала с собой.

Я встала. Пора было идти в номер и как-то объяснять маме свое отсутствие. Она уже наверняка проснулась.

К пляжу тянулись первые отдыхающие. На меня никто не смотрел. Во мне не было ничего сверхъестественного – обыкновенная девушка, возвращающаяся с моря. Себе же самой я казалась почерневшей, и все вокруг стали вдруг какими-то далекими, такими другими. Я шла между ними, боясь случайного касания. Толкнут – упаду и разобьюсь.

«Шалтай-болтай сидел на стене…»

Я несла себя, как полную чашку воды, опасаясь расплескать.

Только не плакать!

«Шалтай-болтай свалился во сне…»

И никто меня уже не соберет.

Я побежала. Голым пяткам было больно, острые камешки впивались в ступни.

Больно… ну и пускай мне будет больно!

Взлетела на второй этаж. Дверь нашего номера открыта.

– Где ты была? – Мама уже переоделась в купальник и сарафан.

– На море.

Я попыталась спрятаться в ванной.

– В таком виде?

– Встречала рассвет. – Я потянула на себя дверь.

– Ты не взяла ключ. – Мама неумолимо шла за мной.

– Я знала, что ты уже встанешь к моему возвращению.

Запрыгнула в ванную комнату, щелкнула замком. Вода из крана вновь полилась теплая. Правильно, все правильно. Мне и хотелось сейчас согреться. Хотелось растопить застывший в груди ледяной комок. Я терла щеткой тело, но не согревалась. Холод цеплялся за каждую клеточку.

Что я тяну? Можно ведь позвонить домой и узнать, что там у них происходит…

Я вылетела из ванной, забыв закрыть воду и даже не прихватив полотенце.

– Что случилось? – застыла посреди комнаты мама. Шляпа, сумка, в руках темные очки – я ее задерживала. – Ты когда ушла-то?

Я выдвинула ящик прикроватной тумбочки. Задумалась, что ответить? Сейчас семь, проспала в номере часа два, еще час была с Максом, потом он ушел, я заснула на пляже…

– Недавно. Мне стало жарко.

В записной книжке сотового телефона я выбрала букву «К», третьим в списке стоял Колосов. Нажала на кнопку вызова и улыбнулась маме.

– Соскучилась по своим. Хочу домой. – Голос дрогнул, я почувствовала, что сейчас заплачу. Домой! К Максу!

Гудок. Щелчок соединения.

– Пашка! – Голос мой звучал фальшиво, как-то преувеличенно-радостно, так что я сразу отвернулась от мамы. Она легко могла обо всем догадаться. Вспомнился утренний пляж. В голове пронеслось: «Море, море, сделай так, чтобы мама сейчас ушла». – Привет тебе из Африки. Как дела?

– Мишлен! – Пашка орал так, словно хотел докричаться до Египта без телефона. – Черт возьми! Как ты там? Тебя еще не продали в рабство местному племени?

– Подумываю остаться. – Я покосилась через плечо. Мама не уходила. – Есть тут один местный принц…

Горло сдавило спазмом, я поперхнулась воздухом, запрокинула голову, чтобы не разреветься в трубку. Я была страшно рада слышать Пашку – его голос вернул меня в то далекое время, когда у меня все было хорошо.

– Что там у вас происходит?

– Все нормально. Снега ждем. А у тебя?

У меня? У меня все плохо! Так плохо, что выть хочется. Но ты, Колосов, мне не поможешь. Тем более на таком расстоянии. Ты не сможешь примчаться и успокоить меня. Даже если бы очень хотел, ты не обладаешь силой вампира.

– Пашка, у вас там ничего неожиданного? – Я сдавила пальцами переносицу, заставляя слезы уйти из глаз.

– Твои друзья появились, – кисло отозвался Колосов. – Макса видел.

Черт! Я отвела трубку, шмыгнула носом. Сейчас, сейчас, все пройдет… Глубоко вдохнула.

– Что еще? – выдавила я сквозь зубы.

– Го́тов разогнали, на кладбище милиция дежурит.

– А еще?

Пока все не то, не такие мне нужны новости.

– Приезжай скорее. – Голос Пашки стал глухим. – У нас тут без тебя снег никак не выпадает.

– Будет тебе снег! – буркнула я, давая отбой.

Дыши! Дыши глубже!

Я засопела и тут же почувствовала, как за моей спиной шевельнулась мама. Чтобы не встречаться с ней взглядом, я стала нажимать на кнопки телефона. Кому бы позвонить?

– Может, все же объяснишь, что у тебя происходит?

– А что происходит? Ничего не происходит, – пожала я плечами. – Все в порядке.

Звякнуть Лерке Маркеловой? Она знает Макса, она поймет, что мне надо.

Я успела набрать всего три цифры из нужного номера, как телефон у меня в руках захлопнулся – передо мной стояла мама. Ее голос не допускал возражений:

– Зачем ты звонишь?

– Домой хочу! – Я пыталась тянуть губы в улыбке, но неприятная судорога не давала мне это сделать. – Надоело мне уже море!

– Позвонил Максим, и ты бежишь к нему?

Я вырвала из рук мамы сотовый и отвернулась. Открыла телефонную книжку, пробежала по списку имен.

Репина! Вот кто мне нужен! Школьная радиостанция «Утренняя зорька». Галка Репина знает все.

– Репина! Привет! – заторопилась я, боясь, что опять вмешается мама или Галка не захочет со мной разговаривать и отключится. – Что у вас там творится?

– О, Гурьева, ты, что ли? Класс! Из Африки? Со своим красавчиком, да? Везуха – греетесь. А у нас холодрыга. Ща снег пойдет. Повымираем тут на фиг, как мамонты. – Репина не давала мне вклиниться в ее словесный поток. – А ты… Солнце у вас там, да? Загорелая приедешь, точно! Приедешь, а у нас минус двадцать. Сразу заболеешь на нашем дубаке. У Семеновой в аквариуме ящерицы подохли. Биологичка говорит – к заморозкам. Как раз к твоему приезду. О, у нас маньяк появился…

– Какой маньяк?

Репина неслась дальше, не слыша моего вопроса:

– Нас теперь никуда не пускают, комендантский час объявили. Он уже человек пять зарезал. – Галка заметно скисла. Видимо, маньяк здорово портил всем личную жизнь. – Помнишь, когда готы мутили, мы, типа, тоже должны были дома отсиживаться? Ну, вот, сейчас опять.

– Что за маньяк?

– Синицына уже пару раз дружинники ловили. – Репина слышала только себя. – Он, типа, с тренировки шел. Прикинь, за ним отец в милицию ходил. Крику было! А Малинина проскочила все посты. Говорит, что на нее маньяки и менты не действуют.

– Что делает маньяк? – рявкнула я так, что Галка на мгновение замолчала, кажется, впервые поняв, с кем говорит по телефону.

– Да фигня какая-то, – вздохнула Репина, утомившись – все-таки она выдала мне почти все новости за неделю. – То ли голову тупым ножом отпиливает, то ли животы вспарывает. Никто ж ничего не говорит. Каждый день по трупу находят. А пишут почему-то все время разное – то ли он бомжей чистит, то ли проституток, то ли еще кого. Чикатило, блин, Фредди Крюгер…

– Джек Потрошитель, – машинально поправила я. – Что еще?

– Твой вроде в мастерскую вернулся, Стешка его видела. Чего-то они там походили, поискали и опять уехали. – В телефоне повисла пауза. – Погоди, а как же ты там с ним, если он здесь?

– Все в порядке! – заторопилась я. – Не переживай! Ну, пока, до встречи, жди от меня сувениров.

Захлопнула телефон, провела по нему дрожащей рукой. Аппарат нагрелся, держать на ладони его было неприятно. Я бросила трубку на кровать, вытерла вспотевшую ладонь о простыню и пошла одеваться. На маму я старалась не смотреть.

– Что за маньяк? – Мама выдержала значительную паузу, надеясь, что я обернусь и встречусь с ее осуждающим взглядом.

Я не обернулась. Я хорошо знала все ее приемы.

– Да завелся у них там вроде какой-то, – пробормотала я, путаясь в лямках сарафана. – Репина без новостей жить не может, хоть маньяка да придумает.

– Это мы выясним. А что Максим?

Я застыла. Сарафан сам скользнул по рукам, лямки легли на плечи.

– Максим?

Закусила губу. До боли. До крови.

Я пыталась крепиться. Приказывала слезам замерзнуть, превратиться в камень. Умереть. Но они все же потекли по щекам, и я поняла, что больше не могу держаться.

Я нащупала за собой кровать, осторожно села на нее.

В памяти качнулась кособокая луна, заваливаясь за горизонт. Лунная дорожка погасла.

– Макс уехал. Мы больше не вместе.

Боль собралась в середине груди. Я опрокинулась назад, мечтая спрятать лицо в подушку.

Глава III
Голоса и призраки

Оставшиеся три вечера я провела на берегу. Солнце быстро пряталось за зонтики, тени росли, и как-то незаметно подкрадывались сумерки. Пляж мгновенно пустел. Вроде люди еще были, виднелись головы плавающих над водой, а через десять минут по пляжу бродили только уборщики и припозднившиеся официанты. Но и они уходили.

Никого. Я и море.

Приливная волна подбиралась к лежакам. Она настойчиво отгрызала берег, съедала песок, перемалывала ракушки в пыль.

Море…

Я не знала, о чем говорить с морем. Мне все казалось, что в плеске его волн я что-то услышу, что-то пойму. Это море такое древнее, на его берегах происходило столько событий, оно должно все знать. Здесь были древние греки, сюда высаживались римляне, по нему шли корабли варваров. Около него клялись в любви, совершали предательства и убийства. В волны этого моря Макс бросил обещание больше со мной не встречаться…

– Макс!

Слова падали на ветер, и он нес их, кувыркая, ронял в воду. Море шипело, набухая волной.

– Здравствуй, Маша! – говорило мне море.

– Макс, что случилось? – задавала я бесконечный вопрос. – Ты затеял очередную войну и не хочешь ничего мне рассказывать?

Призрачная фигура садилась рядом со мной, прибоем ластилась к ногам.

– Не хочу больше подвергать тебя опасности. Ты уже один раз чуть не умерла. Второго раза не нужно, – шептало море. Или все же Макс? Как мне хотелось, чтобы это был он, подошел, сел рядом, взял за руку. Только видеть, только слышать его… Только жить, просто жить…

– Я не собираюсь умирать, – опускала я голову к плечу, и горизонт покачивался вслед за моим движением. – Нет ничего такого, что мы бы не могли преодолеть вместе.

– Есть много такого, что происходит из-за того, что мы вместе, – возражали волны.

– Ну и что! – Мне хотелось ударить упрямое море. Почему оно со мной спорит? Почему оно такое же скрытное, как Макс?

– Тогда учись ждать, – шелестело море. И призрак, полный звезд, становился похожим на любимого. То же лицо, та же фигура, тот же внимательный взгляд прозрачных глаз.

Значит, мне все кажется? Кому-то надо, чтобы я страдала. Кто-то хочет, чтобы… что? Чтобы мы расстались? Создает специальные трудности? И все мои сны – не сны, а попытки свести меня с ума.

– Кто ты?

– Учись быть вечностью! – Волна накатила и убежала обратно.

Я тряхнула головой, выгоняя из нее голос. Не надо мне ничего говорить.

Небо терлось о море, роняя скупые звезды. Казалось, они купаются в теплой воде, становясь от этого ярче.

– Лео?

Призрак на секунду дернулся, попытался быть похожим на высокого холеного мужчину в бежевом пальто, но задрожал и снова обратился в Макса.

Все вы врете! Макс ушел. Ну да, мне хочется, чтобы он оказался рядом. Хочется… И кто-то мое желание исполняет.

Воздух рядом со мной задрожал, стирая призрачную фигуру.

– Хватит!

Голос был настолько реальным, что я оглянулась.

– Кто ты? – прошептала я, начиная чувствовать себя неуютно. Я говорю вслух сама с собой. Это так страшно!

– Тень крови твоей, ее запах, ее суть.

Кровь? Связанное с кровью?

Несколько капель ее упало на пол мастерской в тот вечер, когда я пыталась помочь Максу. Пролилась кровь… Может, это что-то значит? Вампиры почувствовали, что кто-то пил человеческую кровь? Это нарушило их договор?

Не то. Мои две капли ничто по сравнению с тем, что творится на улицах или в больницах. Кровь льется постоянно. От женщин как минимум раз в месяц должно пахнуть кровью. Если бы вампиры так на нее реагировали, то им пришлось бы уничтожать города, чтобы убить ее запах. Но ничего подобного не происходит. Значит, кто-то идет за мной специально. Кто-то нарочно рождает во мне кошмары. Здесь никого нет, но кто-то настолько силен, что даже на расстоянии подправляет мои же собственные фантазии.

– Убирайся! – Я загребла песок и швырнула в призрака. Звезды на его теле зазвенели, видение начало таять. – Уходи! Ты ничего мне не сделаешь! Я тебя не боюсь! Ты ничто! Понял? Исчезни!

– Майя! Прекрати!

Меня обняли за плечи, дернули назад, потащили прочь от берега.

– Успокойся! Что ты?

Мама взяла мое лицо в ладони, пытаясь заглянуть в глаза, но я все отворачивалась. Я не хотела ее видеть! Я вообще никого не хотела видеть! Мне нужен был Макс. Сейчас! Сию секунду! Чтобы подошел, чтобы обнял крепко-крепко…

– Мама!

Мама еще держала меня, и я прижалась к ней.

Как хорошо, что она пришла. Как хорошо, что есть кто-то, с кем можно поделиться своей тоской.

Вернуть бы все обратно, в тот момент, когда не было этой боли. На год, на два месяца назад. Что я тогда делала? О чем думала? Какая я была глупая! Почему не запоминала каждый миг, каждую секунду? Тогда не было так больно. Не было, ничего не было…

– Все пройдет… потерпи… все пройдет…

– Не пройдет! Он не должен был так поступать! – рвалась я из маминых рук. Мне нужен песок, мое грозное оружие в борьбе с призраками.

– Не должен, не должен, – соглашалась мама. – Это очень больно. Он просто сам не знает, что творит. Мы завтра уже будем дома и все узнаем. Он еще пожалеет, что так поступил с тобой.

– Мама!

– Мы скоро будем дома. И всё станет так, как должно быть.

Я обессиленно опустилась на песок. Да, дома все определится. Станет, как надо.

Как надо… А как? Все забудут, что Макс вампир? Он и правда перестанет им быть? Мы навсегда останемся вместе… Нам больше никто не помешает… А кому мы можем помешать? Пока мы мешаем только друг другу. Не можем остановиться. Не можем договориться.

Путаница. Постоянная путаница. Я не знала, что такое «правильно» в нашем с Максом случае. Оставалось не думать. Оставалось доверять своим чувствам. А чувства… чувства раздавили меня.

Я не помнила, как собиралась домой, не помнила, как наши вещи погрузили в автобус. Все стало безразлично. Только нагретый бетон аэропорта заставлял неприятно морщиться, яркое солнце слепило.

Пять часов. Пять часов, и мы прилетим в Москву. Там пересадка, и через полтора часа я дома.

Я уже видела перед собой нашу белую двенадцатиэтажку, видела голые деревья вокруг нее, вечную лужу на въезде во двор, небольшую площадку для машин, детский городок с качелями, песочницей, спортивной лесенкой. Видела Макса, идущего мне навстречу. Нет, не навстречу. Он стоит во дворе возле неуклюжего пианино и пытается что-то сделать, чтобы втащить его в узкую дверь подъезда. Он склонился и сейчас выпрямится – спокойное лицо, прозрачные глаза, – улыбнется и скажет: «Здравствуйте!»

– Привет, Маша!

Голос заставил вынырнуть из воспоминаний, оглядеться. На меня обрушились звуки, запахи и краски. Я на секунду оглохла от гула бормотания диктора, от того, что вокруг столько людей, что они не в купальниках и шортах, а в куртках и пальто, что все не пыльно-желтое, а мрачно-черное.

– Олег?

Я привыкла, что меня последнее время посещают видения, поэтому не сразу поверила глазам. Передо мной стоял высокий красивый молодой человек с копной светлых вьющихся волос, с широкой улыбкой на открытом добродушном лице. Но потом в моей голове соединилось – Москва, Смотрители, Олег, и я поняла, что это не сон. Что все на самом деле.

– Ты чертовски хорошо выглядишь! – Олег сел рядом со мной в кресло.

Олег… Ах, ну да! Я сижу в московском аэропорту, жду пересадки на самолет до дома. Мама ушла по магазинам.

Я глянула на зажатый в кулаке телефон – с момента последнего разговора с Максом я каждую минуту жду нового звонка. Он должен мне все объяснить, должен избавить от страдания.

Экран телефона был чист, мне никто не звонил.

– Спасибо! – Я села ровнее, посмотрела по сторонам. Почему-то мне показалось, что Олег не может прийти один, что рядом с нами должны застыть грозные охранники. Ну, или как там у них в организации все выглядит.

– Не пугайся! – рассмеялся Олег.

Он был все такой же уверенный. Глядя на него, хотелось тоже улыбаться. И чтобы с улыбкой в меня вселилась такая же уверенность.

– Я знал, что ты будешь лететь домой через Москву. Послезавтра начинаются занятия, а самолет в твой город летает раз в день. Тебя несложно было найти.

Олег вновь одарил меня своей фирменной гагаринской улыбкой. Странно, но я о нем ни разу не вспоминала. Мы как расстались тогда во дворе моего дома, так я сразу же о нем и забыла. Он сказал, что не будет никакой охоты на вампиров, и я успокоилась. Сколько же с того вечера прошло? Неделя? Больше?

– Вы меня напугали, – пробормотала я, поняв, что мое молчание слишком затягивается.

– Хорошо отдохнула?

– Замечательно, – процедила я сквозь зубы. – А вы в Москве?

О чем с ним говорить, я не знала. Пускай сам выкладывает все, что нужно, и уходит.

– Где же мне еще быть? – снова расхохотался Олег. – Теперь ты у меня в гостях.

Циферблат на мобильном показывал четыре. До самолета еще два часа. Как долго. Как бесконечно долго!

Рука Олега легла поверх телефона, он склонился, навалившись мне на плечо.

– Маша, ты не забыла о нашем разговоре?

– О каком? – Хотелось отодвинуться от него подальше, но у кресел были подлокотники, которые не давали мне шевельнуться.

– Мы хотим тебя пригласить… к нам.

– Куда? – Я все-таки вывернулась, сев на самый краешек. Олег задержал меня, взяв за локоть.

– С тобой очень хотят познакомиться другие Смотрители.

Мягкие светлые волосы, высокий чистый лоб, нос с небольшой горбинкой, круглое лицо, румянец на щеках. Я скользнула взглядом выше головы Олега. Люди стояли, люди шли, люди разговаривали. Никто не смотрел на нас, никто не подавал друг другу условных сигналов, никто нас не окружал, не пытался меня поймать…

– Когда?

– Хотелось бы пораньше. Нам многое тебе надо рассказать.

Что-то тревожное промелькнуло в его лице. Он за меня беспокоится? Разве что-то должно произойти? А ведь он не на шутку встревожен! Все время оглядывается. Может, остаться? Ненадолго…

Я уже почти согласилась, когда вдруг на меня свалилось осознание того, что я хочу сделать. С чего я вдруг буду помогать Олегу? Нельзя мне оставаться!

– Не могу я. – Как за спасительный круг, я схватилась за свой телефон. Прошла минута, до самолета уже час пятьдесят девять. – Дома ждут.

– Не советую тебе возвращаться домой, – пробормотал Олег, смахивая невидимую соринку с идеально чистых ботинок. – Я очень обрадовался, когда ты уехала. Жаль, что так ненадолго.

– Что случилось?

– В общем-то ничего такого… – дернул головой Олег. Он старался не выдавать своего волнения, но совершал много лишних движений. – Просто… думал, показать тебе Москву.

Теперь пришла моя очередь разворачиваться в его сторону.

– Почему мне не стоит возвращаться? – Я внимательно на него смотрела, надеясь заметить в лице то, что не говорилось словами. Уезжая из моего города неделю назад, Олег сказал, что вампиров не обнаружил. Или все-таки… он меня тогда обманул?

– Смотрителей в любом городе может подстерегать опасность. – Олег взял себя в руки и заговорил спокойней. – Тем более тебя, Маша. Ты слишком доверчива и совершенно не умеешь пользоваться своим даром.

– Спасибо за совет, – постаралась я улыбнуться, – буду осторожней.

– Не в осторожности дело, – Олег снова склонился ко мне, – а в том, что ты еще ничего не знаешь. Настало время познакомиться с остальными. Настало время стать одной из нас.

Его слова заставили меня сжаться. Одной из них, значит, против вампиров. Узнать все, значит, узнать, как вампиров уничтожать. Противоречивые чувства потянули меня в разные стороны. С одной стороны, не мешало бы овладеть парочкой приемов против особо яростных недоброжелателей, но с другой стороны, я понимала, что чем больше Смотрители станут обращать на меня внимания, тем опасней Максу будет рядом со мной находиться. Между мной и Максом словно разверзлась пропасть – первый, кто попробует сделать шаг навстречу, обречен погибнуть.

– У нас билеты! – запаниковала я. Еще чуть-чуть, и он меня уговорит. Этот взгляд, эта улыбка – так и хочется ему помочь. Но я должна попасть домой. Должна найти объяснение происходящему кошмару. А потом… потом посмотрим, что делать.

– Хорошо, хорошо! Не торопись! – Олег снова коснулся меня. А я и забыла, что руки человека такие теплые. Неприятно теплые. – Я понимаю, не совсем удобно – ты устала, мечтаешь встретиться с друзьями. Может быть, позже? Знаешь, мы можем и сами приехать к тебе.

– Нет, нет! – воскликнула я. Наверное, слишком быстро и громко воскликнула. Но ведь там Макс, там все! Олег ничего не обнаружил, но приехать могут самые сильные Смотрители, которые во всем разберутся. И что тогда? Катастрофа! Не знаю, что могут сделать Смотрители, но раз их боятся, значит, сила у них есть.

Я смахнула набежавшую слезу и теперь сама склонилась к Олегу, заглянула ему в глаза, попыталась изобразить самую очаровательную улыбку, на какую была сейчас способна.

– Олег, зачем все это нужно? Смотрители, вампиры… – Мой собеседник удивленно дернул бровью, но глаз не отвел. – Наверное, для вас очень важно… бегать, кого-то ловить. Я подумала… Я хочу отказаться.

– От чего отказаться? – Олег смотрел на меня во все глаза, как на человека, которому предложили мороженое, а тот заявил, что мороженое не любит.

– От дара. Москва, всякая суета… Не надо, спасибо.

Мысленно я сделала шаг вперед, в ту самую пропасть, что была между нами с Максом. Пламя взметнулось у меня под ногами. Не нужно мне никакое оружие, не собираюсь я жить без любимого.

Олег хмыкнул, откинувшись на спинку.

– У тебя ничего не получится, – заговорил он медленно. – Ты то, что ты есть. Для осознания этого тебе и нужно встретиться с остальными. Даже если ты откажешься от дара, он останется с тобой, и на него будут реагировать те, с кем ты призвана бороться. Разве ты еще не почувствовала?

– Чего не почувствовала? – прошептала я.

Он все знал. Я видела это по глазам. Он отлично знал, что в моем городе есть вампиры. А еще он знал, что я играю против него. Поделился ли он собранными сведениями с остальными?

Олег моргнул.

Ответ был «да».

– Возвращайся домой, но будь осторожна.

Олег положил мне на колени книгу. Светло-зеленая обложка, вдоль корешка золотыми буквами набрано название «Приметы и суеверия дворянства пушкинской поры».

– Почитай в самолете. Забавная вещица, сейчас только купил. – Затем он ткнул пальцем в телефон. – Смотри, какое удачное сочетание – шестнадцать часов семь минут. «Семь – семь». Это хороший знак. Будь внимательна к тому, что тебя окружает, не рискуй. И ничему не удивляйся. Все говорит за то, что мы скоро встретимся.

Олег поднялся с кресла.

– Поверь, то, что ты Смотритель, судьба. От нее нельзя отказаться. В том-то и прелесть. Да, судьба. Судьба! – повторил Олег и, подняв вверх ладонь в знак прощания, пошел вдоль кресел.

– Кто это? – раздался за моей спиной голос мамы.

– Подошел время спросить, – пробормотала я, пряча книгу в сумку. – Что хорошего в цифре семь?

Мама стала рассказывать о цифрах и связанных с ними приметах, об устойчивых и неустойчивых знаках, а я продолжала смотреть на удаляющуюся фигуру в светлом пальто. Что это значит? Что там за люди, знающие, казалось, обо всем? И зачем мне подаренная книга? Или под обложкой спрятано нечто другое?

Мне стало страшно. Очень страшно. Я сжала в кулаке телефон. Хм, не ехать домой… Как они себе это представляют? Что я все брошу и помчусь к ним в гости? И что страшного меня ждет дома? Или все как-то связано с маньяком, о котором говорила Галка?

Перед самой посадкой в самолет у меня вдруг ожил сотовый.

– Извини, Машенька! – Снова Олег. Разве он не все сказал? – Я специально позвонил, чтобы у тебя остался номер моего мобильного. На тот случай, если я тебе понадоблюсь. Я всегда на связи. Приезжай скорей! Я буду ждать!

Олег отключился, и я машинально посмотрела на экран. Палец дернулся, вызывая «иконку»: «Хотите удалить номер? Да – нет?» Секунду я поколебалась. Очень хотелось уда-

лить, тем самым вычеркнув Олега вместе со всеми Смотрителями из своей жизни. Но перед глазами тут же встали Катрин с ее извечной улыбкой, постоянно недовольный Лео, и я даже услышала, как он говорит: «Il y a trop de bruit ici»[5]. Захлопнула телефон – сохраним. Может, и правда пригодится.

В самолете разговор с Олегом не выходил у меня из головы. Видимо, Смотрителям что-то от меня нужно, раз он ждал в аэропорту. Что-то, что могла им дать только я. А раз так, то Олег слишком легко согласился подождать. Похоже на обходной маневр, как будто в рукаве у него припрятана козырная карта. Знать бы какая… И еще книга – о снах, кладах, каких-то белых женщинах, картах, счастливых дорогах и внезапных смертях.

О цифрах в ней тоже было. «Один» означает цель, проявляется в агрессии, «два» число антитезиса с такими крайностями, как день и ночь. Странно, почему антитезис, если два – это гармония. Встречаются двое, и им хорошо. Семья появляется, когда двое живут вместе. У человека две руки, две ноги. Какая же тут противоположность? Если только симметрия. «Три» – неустойчивое число, знак треугольника, прошлое, настоящее и будущее. «Четыре» – устойчивость и прочность, квадрат, стихии, стороны света, у всех стульев четыре ножки. «Семь» – соединение устойчивости с неустойчивостью (цифр «четыре» и «три»), целостности с идеальностью («один» и «шесть»), а еще количество дней недели, нот в гамме. Цифра везения. «Один» и «шесть»… ну да, шестнадцать. Вот почему Олег сказал «семь – семь», когда времени было шестнадцать часов семь минут… А я-то подумала, о чем он… Все сходится.

Сюда же в нумерологию затесался Пифагор со своей таблицей умножения и объединенной математической системой арабов, друидов, финикийцев и египтян. «Пифагор доказал, что все сущее может быть выражено числами… Квадрат Пифагора или психоматрица…»

Книга закрылась сама собой. Еще одна загадка? Или случайный подарок? Олег купил первое, на что упал взгляд, обложка красивая, золотые буквы. Сидел, ждал меня, листал, а потом отдал. Нет, в такую последовательность верится с трудом. Зачем он стал бы мне отдавать купленную себе книгу? Значит, принес ее специально для меня. И что я в ней должна была найти? Историю цифры «семь»?

Родной город встретил неожиданным снегом. И чего Пашка врал, что он еще не выпал? Вон же, все вокруг засыпано.

Папа в аэропорту стоял в шапке и теплом пальто. Я в своих легких тапочках почувствовала себя неуютно.

– Наконец-то! – воскликнул папа, не успели мы подойти ближе. Словно несколько дней провел под табло с прилетом самолетов.

– Какие новости? – Я с облегчением вручила папе в руки свою сумку. Может, на сей раз мне больше повезет, и я услышу что-то стоящее?

– Без вас город перешел на осадное положение. – Папа пытался шутить. – Объявился какой-то маньяк.

– Ну, сколько можно! – проворчала я. Разговоры про маньяков меня уже бесили. Придумали бы что-нибудь новенькое…

– Так ведь что он творит-то! – с жаром продолжал рассказывать папа. – Чуть ли не головы своим жертвам рвет!

– Какой кошмар! – Мама посмотрела на меня. Словно отрывать у людей головы до недавних пор было моим излюбленным занятием.

– Откусывает или откручивает? – машинально спросила я, думая, что, пожалуй, надо пройтись по моим знакомым готам, узнать, что у них и как. Мне нужны были новости. Новости, способные объяснить поведение Макса.

– Надрезает. И жертва умирает от потери крови.

---

[5] Слишком много шума *(фр.)*.

Последнее слово заставило меня внимательней прислушаться к разговору. Не то ли это, что я ищу?

– И куда вся кровь девается? – прошептала я, непроизвольно начиная представлять ужасную картину. Лежит человек, абсолютно белый и сухой, как бумажный лист. На шее у него виднеются две точки. Я подхожу к нему, склоняюсь, и вдруг он открывает глаза, пергаментные губы ломаются в страшном оскале, из-под них лезут клыки. Человек дико хохочет и кидается на меня.

Видение ворвалось в мои мысли, и я сильнее засунула руки в карманы, чтобы вернуть себя к реальности.

– Знакомых среди жертв нет? – шепчет мама, близко склоняясь к отцу. Но я ее слышу. Хорошо слышу.

– Слава богу, нет! – всплеснул руками папа. Он не признает секретности и говорит обо всем громко.

Действительно, слава богу. Почему-то мне вдруг вспомнилась Маркелова. Ее хлебом не корми, дай в неприятную историю попасть. Но все обошлось. «Утренняя «Зорька» права, наших никого не коснулось.

– Маша, если получится, не ходи никуда, – попросил отец.

– У меня же тренировки, – прошептала я, медленно приходя в себя.

А что если объявился молодой вампир, не знакомый с правилами? Вслед за ним на такую же охоту выйдут другие… И если их соберется несколько, и каждому потребуется по жертве в ночь… Так они быстро весь город изведут.

– Сколько уже человек погибло?

– За неделю пять, – нервно сообщил папа. – Все пятеро – девушки.

Макс, почему же ты уехал? Ты наверняка знаешь, кто он такой, этот маньяк. Знаешь – и пытаешься что-то сделать?

– Скоро все закончится, – пробормотала я, машинально поправляя на своей сумке английскую булавку. Когда я ее успела прикрепить? Это, кажется, на удачу или от сглаза. И откуда во мне такая уверенность? Словно подсказывает кто.

За окном проносились темные дома. Здравствуй, город, я рада тебя видеть. Мне очень не хватало твоих мрачных дворов, мигающих фонарей, недовольных лиц, тяжелых туч над головой. Мне не хватало твоего снега. Твоего первого снега, который обречен вскоре растаять.

– Хотелось бы! – с жаром поддержал меня отец, не замечая, что я его не слушаю. – В городе жить стало невозможно – постоянно приходится от кого-то прятаться, опасаться каждого шороха за спиной.

– Сережа… – предостерегающе начала мама.

Она все еще за меня боится. Боится, что я испугаюсь, что мне приснится очередной кошмар. Но они меня уже и так посещают. Только это не мои кошмары. И страхи не мои.

Наша двенадцатиэтажка выплыла из-за домов, и мне показалось, что я чувствую, с каким напряжением дом ждет меня. Косится недовольными антеннами, как бы говоря: все произошло из-за того, что ты уехала. Ничего, я вернулась. И снова мы будем дружить друг с другом, моя ненаглядная двенадцатиэтажка, некогда белая, а сейчас из-за снега линялая, невзрачно-серая, но все равно любимая.

Я выбралась из машины, оглянулась. Как будто и не уезжала, как будто еще утром не было солнца, моря, шуршащих пальм.

– Пойдемте! – торопил отец.

Я повернулась к входу, и мне вдруг страшно захотелось чуда. Самого обыкновенного чуда. Я захожу в подъезд, а там все, как раньше, до пожара, до разборок с готами, до появления здесь Смотрителей. Вот сейчас я протяну руку к двери, и навстречу мне выйдет Макс… Ладно,

пускай никто не выйдет, но в почтовом ящике я найду от него записку. Или хоть какой-то знак, что жильцы в мастерскую вернутся.

«Туп, туп», – тревожно заколотилось сердце.

– Привет!

Несмотря на холод, окно первого этажа слева от двери распахнуто. Маринка! За то время, что я ее не видела, она стала совсем бледной, а в глазах появилась ледяная уверенность.

Она была бледна, но не была больной.

Маринка… Я о ней забыла. А не может ли быть, что нынешние убийства дело рук *очень* неопытного вампира?

– Маша!

Папа держал дверь, но я не могла сделать те несколько шагов, что отделяли меня от спасительного входа в подъезд.

– Я сейчас, – махнула ему рукой и подошла к окну.

Маринка стала симпатичней прежнего, из лица ушли следы трогательной детской беззащитности. Теперь она была под надежной охраной своего преображения в вампира.

Я услышала, как закрылась подъездная дверь. Родители не стали меня ждать. Ушли, даже не догадываясь о том, что сейчас оставили свою дочь один на один с кровожадным убийцей. Может быть, тем самым, которого тщетно ищет милиция.

– Привет! – Не очень радостное получилось приветствие. – Как дела?

– Хорошо. – Маринка улыбалась, и было в ее улыбке что-то знакомое. Где-то я такую видела. Кто-то мне так уже улыбался. Я глубже задышала, пытаясь сдерживать волнами накатывающую панику. Я не должна показывать Маринке свой страх. Еще неизвестно, как девочка отреагирует.

– Какая ты стала… красивая, – закашлявшись, пробормотала я. У меня никак не получалось говорить прежним приветливым голосом. Он дрожал, иногда срываясь. – А мы на юге были. Там сейчас тепло, в море можно купаться. Африка, бегемоты, Лимпопо. Но мне не понравилось – жарко очень.

А ты ведь, Маринка, даже не знаешь о существовании Смотрителей. Не знаешь, что твоя сила имеет ограничения. И если взрослые вампиры умеют хоть как-то от Смотрителей защищаться, то ты перед ними – открытая мишень.

Я подошла ближе, пытаясь понять, что в первую очередь надо сказать, как объяснить ей все то, что происходит.

Взгляд Маринки стал тревожным.

Она чувствует меня?

Пришлось отойти.

– Мы только приехали, – растерянно повторила я. – Что нового? Как себя чувствуешь? – Что я говорю? У вампира спрашиваю о здоровье! – Ты Макса не видела?

Вот уж точно зря спросила. При упоминании о Максе глаза Маринки распахнулись.

– Заходил пару раз. Но сейчас его здесь нет. – Слова колючие, раздраженные.

– Да? Ну, ладно, – сказала я как можно более дружелюбно и сделала несколько шагов в сторону. Ноги неожиданно стали тяжелыми, я еле двигалась. – Пока!

Я заставляла себя посмотреть Маринке в глаза, но ничего не получилось. Я чувствовала, как она смотрит на меня. Зло. Недовольно.

Неуютно было уходить под ее пристальным взглядом. Тем более не хотелось поворачиваться к распахнутому окну спиной. Даже если Маринка ничего не знает, она наверняка о чем-то догадывается.

– До скорой встречи! – долетело до меня, и я с готовностью закивала в ответ.

Набрала код, открыла подъездную дверь, и пока она не захлопнулась за мной, не могла отделаться от ощущения, что на меня сейчас набросятся.

Еще одно потрясение ожидало в холле около лифтов – дверь в мастерскую оказалась заклеена специальной лентой с печатью. Только лента была разорвана и болталась двумя безжизненными огрызками.

Это было до того ужасно, что я не стала ждать лифта, побежала пешком. Жесткая подошва тапочек топала о ступеньки, отчего меня преследовало чувство, что следом кто-то идет. Я пару раз остановилась. Кровь стучала в висках, легкие с трудом впускали в себя воздух. Но на лестничной площадке никого не было. Только я и мой страх.

Коридорная дверь на двенадцатом этаже была широко распахнута, квартирная приоткрыта. Вот где мне будет хорошо и спокойно… Из последних сил я побежала вперед, закрыла за собой сначала коридорную дверь, потом дверь квартиры и, наконец, дверь моей комнаты.

Из растворенной форточки тянуло холодом, на полу около подоконника несколько скукоженных листочков. Они зашуршали, когда я стала их поднимать. Стол с уснувшим ноутбуком, стопки тетрадок и учебников, на стуле компакт-диски, около ножки перевернутая тапочка, вторая торчит из-под кровати… Длинный стеллаж с книгами, за стеклом фотографии – мой класс, походы, мама с папой, Маркелова с Лариской… Поставить бы сюда фотографию с Максом. Как много мы с ним не успели! Так ни разу и не сфотографировались. Или это будет дурной знак? Надо посмотреть в книжке.

Я опустилась на сбитое покрывало кровати, вспомнила вскрытую мастерскую, и мне стало грустно. Сначала вампиры пытались меня убить, потому что я Смотритель, потом на них вышли готы, логично приняв за своих. А теперь жильцы из мастерской уехали… И что-то никто не спешит меня благодарить за чудесное спасение Макса из рук коварного Дракона, устроившего пожар.

Конечно, мне не обещали, что все будет как в сказке, и после финальных титров начнется счастливая жизнь. Но хоть как-то объяснить, что происходит, давно пора. Хочется хотя бы неделю просто побыть с Максом, погулять с ним в парке, сходить в кино. Подержать его за руку, посмотреть в глаза…

Хочется…

Я прошла по комнате, пнула ногой подвернувшуюся тапочку. Столько вещей, и ни одна не может мне помочь! Зачем они здесь? Что высматривают?

Порыв ветра напомнил о том, что форточка открыта. Стало зябко, я потерла ладонью по плечу и вдруг заметила, что все-таки загорела. В холодном воздухе рука показалась неправильно коричневой.

Я меняюсь, а мир вокруг остается прежним. Он, так же как и раньше, не пускает ко мне Макса. По каким-то неизвестным мне причинам я не могу быть с ним.

Босиком прошла вдоль стеллажа, вернулась к окну, постояла и опять отправилась мерить шагами стеллаж.

Один, два, три… семь.

Семь шагов. Вот и правильно. Так и должно быть.

Постояла около двери, перекатилась с пятки на мысок. Был бы под ногами песок, он бы сейчас хрустел. Солнце там уже село и песок успел остыть. Днем на нем невозможно стоять, он так раскаляется, что жарит подошвы. А вот вечером на нем можно посидеть, побросать камешки в море, подождать Макса…

Никого я не буду ждать!

Вновь пробежала через комнату. Из окна пахнуло сыростью, руками я вцепилась в подоконник.

Неправда! Он вернется. Он знает, как мне без него тяжело, поэтому скоро вернется.

Не думать, не думать… Я выдвинула ящик стола, достала шоколадку. Швейцарская, с россыпью орешков на упаковке. Макс подарил. Но это не самая вкусная. Самую вкусную мне однажды дал Лео, она была в фольге, без фирменной обертки.

Сладкое успокаивает, помогает уснуть.

С шоколадкой в руках я забралась в постель.

Нет, что-то мне сегодня ничего не помогает. В голову лезут неприятные мысли о том, что Макс слишком хорош для меня, что ему нетрудно найти себе другую. Из-за этих глупостей я ворочалась с боку на бок, вздыхала, крутила подушку, встряхивала одеяло.

Сон не шел.

А ведь в комнате все по-старому, все так, как было, когда сюда впервые вошел Макс. Вошел, оглянулся и сразу стал здесь своим. Вот и сейчас он сидит на подоконнике… Нет, стоит в дверях… Или подошел к кровати, смотрит на меня?

Я приподнялась, оглядела комнату. Никого.

Надо поспать, поспать. Я так устала… Но стоило закрыть глаза, как вновь я видела любимое лицо. Мягкие волосы прикрывают лоб, очень внимательные глаза, в которых плещется бездна, широкие скулы, твердо сжатые губы, бледная кожа, которой так хочется коснуться…

Незаметно для себя я вновь оказалась около окна. Зажмурилась.

Как же больно на душе. Почему любовь – это обязательно страдания? И закончатся ли они когда-нибудь?

Сквозь закрытые веки пробивалась темнота. Город вокруг меня пуст. Никого и ничего. Ровная пульсация фонарей, равнодушное перемигивание фар. Уехали, все уехали…

Мне показалось? Или просто ветер свистит в деревьях? Или возмущаются потревоженные провода? Или вода журчит в трубах? Ничего нет. Только призраки. Мои любимые, мои хорошие, мои добрые знакомые.

Тихий осенний воздух дрогнул. Застонал, зашевелился город. Что-то приближалось ко мне. Приближалось стремительно. Мчалось мимо домов, гася фонари. Летело через крыши, раскачивая провода. Пробивалось сквозь ветки деревьев, срывая с них последние листья.

Маленький желтый березовый листок взлетел передо мной ночной бабочкой, заставив испуганно отшатнуться от окна. Я схватилась за батарею, чтобы не упасть. И тут же хлопнула рамой, задернула штору. Отбежала к кровати. Может, Олег прав, и я зря вернулась? Там, за окном, что-то было. Это я позвала его. И теперь оно будет ждать. Ждать удобного момента.

Завернулась в одеяло с головой, подоткнула удобней подушку. Старая игра – если не шевелиться, то ничего страшного не произойдет. Ужас постоит-постоит, повздыхает и уйдет, так ничего и не дождавшись. А стоит шевельнуться, как он набросится. Поэтому надо лежать тихо-тихо, как будто меня здесь нет.

Наутро сон вспоминался с трудом: пустой зал, звон клинков, на полу прыгающие тени. Но я была спокойна, меня уже ничего не пугало. И только слова все еще звучали в ушах.

– Правда, ошибки бодрят? – шепчет мне голос. – Думаешь, что все понарошку, а оказывается всерьез… Играешь по одним правилам, а все остальные вдруг начинают играть по другим…

Сон затерся среди десятка других, оставив после себя неприятный осадок. Мне постоянно подкидывают головоломки, которые я пока не могу решить. Чего от меня хотят? Зачем заставляют раз за разом переживать смерть Макса?

С больной головой я сползла с кровати, нехотя глянула в набухающий за окном день.

Надо открыть форточку. Зачем я ее закрыла?

Заклинившая рама долго не поддавалась. Я мучила шпингалет, дергая ручку. Окно сдалось неожиданно, резко распахнувшись, и вместе со свежим воздухом в комнату влетели листья. Их шуршание в первую секунду напугало меня.

Весь подоконник был усыпан желтыми березовыми листьями, словно их специально кто-то набросал. Кто-то швырял их в окно двенадцатого этажа?

Глава IV
Сорванная тренировка

Давно я не чувствовала себя такой разбитой. Голова болела, во рту было сухо, делать ничего не хотелось.

Вот такой он, последний день каникул…

От расстройства я насыпала в чашку слишком много порошка, и кофе получился горьким, невкусным. Но я упрямо тянула отвратительный напиток, словно наказывала себя за все проявленные мной слабости.

Мама поначалу не смотрела на меня. Стояла около окна, демонстративно изучая облака за стеклом. Пила свою болтушку из сырого яйца. Молчала.

Я отставила чашку, уронила лицо в ладони, прислушалась. Ничего. Пустота. Только с первого этажа идут слабые сигналы тревоги – там Маринка.

– Ты не имеешь права!

Стакан так громко опустился на стол, что нарисованные рыбки на боках моей чашки поджали хвосты.

– Хандри, страдай, плачь по ночам – делай все, что угодно, если настолько слаба, что не можешь совладать с собой. Но ни в коем случае не показывай свои чувства другим.

Я с удивлением вынырнула из ладоней.

– Люди вокруг тебя не зрители в кинотеатре, они не должны ничего знать. Чем меньше сочувствия, тем быстрее все пройдет.

Мама стремительно прошла мимо меня. Раздраженно звякнули ключи.

– И никакого черного цвета! – Мама появилась на пороге кухни. – Черный цвет не спасет. Только даст сигнал остальным, что у тебя не все в порядке. Хочешь, чтобы тебя обсуждали? – Я опустила глаза. – Не хочешь.

Мама ушла, оставив после себя легкий запах духов – цитрусовые с горчинкой.

Я невольно мысленно последовала за нею. Вот она стоит на площадке, ждет лифта, нервно постукивает мыском ботинка, входит в кабину, несколько раз нажимает на кнопку первого этажа, смотрит на себя в зеркало на стене, поправляет волосы. Быстрым движением прокручивает связку ключей на пальце и кладет ее в сумочку. Двери не успевают открыться до конца, как она выскакивает наружу. Пересекает по диагонали холл. Пять ступенек вниз. Пищит кодовый замок. Мама выходит на улицу, недовольно поджимает губы, потому что вокруг слякоть – снег растаял, оставив после себя грязные лужи. Ступает своим хорошо начищенным ботинком на дорожку. Огибает детскую площадку, идет к автобусной остановке. На повороте к школе ее ждут. Быстрая тень отделяется от дерева, перебегает за ее спиной, а потом набрасывается сзади, хватает за волосы…

– Мама!

Я сорвалась с места, опрокинув стул. Джинсы, рубашка на мне. Не сразу сообразила, что надо снять тапочки и надеть кроссовки. Сдернула с крючка легкую куртку.

Вниз, вниз, вниз! Ступеньки кидались под ноги, страх бил по глазам. Всем телом влетела в дверь, рукой нащупала в темноте кнопку домофона.

Да, все было так, как мне представилось, – слякоть, пасмурно, пахнет зимой.

Огибать детскую площадку я не стала, а бросилась напрямую, через кусты, через самую грязь. Выскочила на дорогу, поскользнулась, проехала на одной ноге, испачкала колено, тут же вскочила. Никто из прохожих даже не покосился на меня. Все шли, уткнувшись в свои проблемы, спрятав глаза под кепки и шапки.

Мамы не было.

Растаявший снег, низкие тучи, ноябрьский сумрак – были. Остальное я придумала. Никто маму на дороге не поджидал. Она наверняка уже дошла до остановки и села в автобус.

Показалось. Мне последнее время многое кажется.

Я резко выдохнула, пытаясь восстановить дыхание. Вот уж я пробежалась! Под тонкую куртку стал пробиваться холодок, промокшие на коленке джинсы давали о себе знать.

А ключи-то я дома оставила. Опять соседа придется будить.

Я похлопала себя по карманам, обернулась и, поперхнувшись воздухом, закашлялась.

– Какая встреча!

Взбитые ветром темные волосы, маленькое аккуратное личико, светлые глаза, распахнутые непритворным удивлением, алые губы в улыбке обнажают крепкие зубы. Катрин! Она сменила цвет волос? Какая неожиданность. Никогда не думала, что вампиры ходят в парикмахерскую.

Я потерла ладони друг о друга, почувствовала, как на лице появляется жалкая улыбка. Не каждый день встречаешься с существом, мечтающим тебя убить.

– Привет! – тонкая рука поднялась вверх, пальцы игриво шевельнулись. – Как дела? О, а ты здорово загорела! – Катрин приблизилась ко мне, резко вдохнула. – Пахнешь морем и какой-то дрянью. Что с утра ела?

– Кофе пила, – ответила я машинально. Думать не получалось, я безвольно следила за ее быстрыми движениями, боясь лишний раз шевельнуться.

Если замереть, то с тобой ничего не случится. Не случится…

– Брр, гадость, – поморщилась вампирша. – В курточке не зябнешь? – Коснулась моего рукава, бросила оценивающий взгляд. Сама она была одета в широкие брюки и короткую куртку в пояс с ярко-желтыми резинками на запястьях. Один-ноль в ее пользу, я-то приодеться не успела. Да, еще та лужа по дороге… – А ты быстро бегаешь. Чего одна?

– Пойду я, – буркнула я. Мне надо вернуться в свою комнату и закрыть за собой дверь. Да и в тонкой куртке мне действительно холодно. Чего тут стоять, мерзнуть?

– Я тебя провожу!

Сильная рука скользнула под локоть – рядом со мной как будто открыли холодильник.

– Мы подружки. Помнишь? – невинно щебетала Катрин, при этом лицо у нее оставалось неподвижно, отчего рождалось ощущение, что говорит кукла. Красивая кукла. И очень опасная. – Хочу с тобой поболтать. У Макса день рождения намечается, надо сделать ему подарок. Не знаешь, где можно найти нашего Ромео?

– Не знаю.

Ноги двигались с трудом. То ли после бега, то ли от страха в коленях они не гнулись. Я покосилась на собеседницу. День рождения у Макса? А почему бы и нет? Слишком неуклюжий повод, если вампирша выдумывает.

Что-то меня последнее время все умудряются почти убедить в том, что им нужно. Сначала Олег, теперь Катрин. Она говорила так, что я невольно начала ей верить. А вдруг у Макса и правда день рождения? Нельзя же все время врать. В прошлый раз Катрин, этот милый морозильник рядом со мной, меня обманула. Примчалась и уверяла, что с Максом беда. Хотя, собственно, почему обманула? С Максом действительно была беда. Так, значит, действительно праздник? Или не так: в прошлый раз не обманула, а сейчас… Вполне может.

– Ничем не могу тебе помочь. – На всякий случай я скрестила пальцы на левой руке. И почему мне так часто приходится врать? Хотя ни вранью моему не верят, ни той правде, что я говорю. Вот жизнь пошла!

– Какая жалость, – покачала головой Катрин. – А то я хотела ему рубашку подарить. Надо померить. Когда у вас встреча?

У нас… встреча… Странный вопрос. Катрин должна чувствовать Макса. Неужели он так далеко, что его все потеряли?

– Рубашку? – вспомнились «Суеверия Пушкинской поры». Была там глава о вещах. – Плохой подарок. Купи лучше книгу. Он любит читать.

Взгляд Катрин стал тяжелым.

– Даже так? – Вампирша резко приблизилась ко мне. Наверное, так же айсберг снес на своем пути «Титаник». Он был очень большой и очень холодный. – Ты стала разбираться в приметах? Где Макс? Он же вроде помчался вслед за тобой. Неужели так сильно обгорел на солнце, что не смог вернуться?

– Ему предписаны водные процедуры. Он остался. – Я рванула руку к себе. Бесполезно, меня захватил железный капкан. – Если хочешь, можешь заглянуть к нему в гости, проведать. Заодно искупаешься.

– Где он? – Катрин тянула меня к себе.

– Макс не оставил адреса, просил писать «до востребования». – Я сжала губы, чтобы выдержать ее ледяной взгляд. Интересно, если несколько вампиров собрать в одном месте, на сколько градусов упадет температура воздуха?

– Вы расстались? – тонкие бровки взлетели вверх.

Секунду я боролась с собой, чтобы не произнести привычное заклинание: «Нет, мы не расстались! Он вернется!» Вдохнула.

– Расстались, – даже плечом дернула для убедительности.

Катрин выпрямилась, оттолкнув меня.

– Ловко. – Ее взгляд медленно блуждал по моему лицу. – Ловко. Dummkopf![6] Только я не верю. Он ведь вернется, да?

Ну, вот мы и выяснили, что актриса из меня не получится. Хоть какая-то польза от встречи с Катрин. Мне оставалось только молчать. Что говорить, если популярная фраза Станиславского уже произнесена?

– Пускай поскорее возвращается, – шипела Катрин, – а то кое-кому не поздоровится. Позови его.

– Он не откликается. – Я силой заставила себя собраться, чтобы тут же мысленно не выполнить приказ. Если Катрин хочет видеть Макса, значит, он здесь не должен появиться. Хотя встреча их была бы символичной. Как-то Катрин отвесила Максу пощечину, у него хороший повод поквитаться. – Он меня больше не слышит. Он… – Я должна была сказать. Обязана. Чтобы спасти его! – Он с другой.

Смех Катрин был резкий и неприятный.

– Не верю, – повторила она. Ее глаза буравили насквозь. Кажется, у нас сейчас за вранье не убивают. Что она так на меня накинулась? Я, можно сказать, у нее учусь.

– В следующий раз, при встрече, попроси его сделать тебя вампиром. – Катрин отступила, освобождая мне дорогу. – Иначе тебе долго не протянуть. И пускай поторопится. Человеческая жизнь так хрупка!

Почему Олег посчитал, что мне не стоит возвращаться? Зачем он говорил, что меня надо кое-чему научить? Он знает о Катрин? Предвидел, что мне будут угрожать? И откуда вокруг меня собралось столько прозорливцев? Хоть бы еще и разговорчивым оказался, а то все намекает, но ничего не говорит.

Я сунула руку в карман, неожиданно нащупав там ключи, звякнула ими. И вдруг под ними обнаружила спичечный коробок.

– Не забывайся. – Я медленно достала находку, стукнула пальцем по картонному боку, заставляя поддон с деревянными палочками чуть выехать вперед. – Вампиры тоже не вечны.

– Не забудь и Максу сказать об этом, – прошипела Катрин, с напряжением следя за мной. – Он часто совершает глупости.

---

[6] Глупый *(нем.)*.

Мы стояли на перекрестке. К нашим ногам сбегалось три тропинки – через площадку от нашего дома, с улицы и от школы. Дорожки образовывали трехпалую корявую куриную лапку. Осознавать это было неприятно. Что-то я стала много знаков замечать. К чему бы, а?

– Встречаться на перекрестке не к добру. – Я провела мыском кроссовка перед собой. – Поссоримся.

– Я запомню, – дернула бровью вампирша и пошла прочь.

От дерева отделилась темная фигура, быстро преодолела разделяющее их расстояние и зашагала рядом с ней. Высокий парень в футболке, джинсах, белых кроссовках. Неожиданно он обернулся, посмотрел на меня и вдруг махнул рукой. Я чуть не махнула ему в ответ. Вовремя сдержалась, а то бы мы так и махали друг другу, пока ветер не поднялся. Кто он такой?

«Туп, туп», – начало успокаиваться сердце.

Еще один вампир. Здесь. Вместе с Катрин. Нашего полку прибыло. Прекрасно!

Я подождала, когда они уйдут. Стоило сердцу успокоиться, как я все поняла.

Катрин нужен был разговор, и она поджидала меня на улице. А парень… Не тот ли он вампир, что посылал мне сны и заставлял меня видеть в них Макса? Ну, конечно! Только вампир мог вынудить меня представить, что с мамой что-то случилось, отчего я сломя голову выбежала из дома. Только он мог родить во мне желание махнуть рукой в ответ. Но у меня уже вырабатывается на него иммунитет – руку я не подняла. Хорошее начало.

Значит, Катрин ищет Макса. Зачем-то он ей нужен. Причем нужен в моем городе. И чем быстрее, тем лучше. Ничего, пускай учится ждать. Полезное качество для долгожителя.

Я спрятала в карман коробок. Ключи… В этой куртке я ходила неделю назад и забыла их в кармане. Как хорошо, что они так быстро нашлись. Можно сказать, день у меня сегодня удачный…

Рысцой – от холода – я побежала к дому. Привычно бросила взгляд на Маринкино окно. Оно было закрыто. Но на фоне белого тюля быстро мелькнул силуэт. Да и сердце мое подсказывало, что комната не пуста.

Эх, Маринка, Маринка, бедный ребенок, попала ты в переплет… Не понятно, что в такой ситуации лучше – медленно умирать от неизлечимой болезни или стать другим существом.

Взметнувшийся ветерок бросил к моим ногам горсть чего-то желтого. Какой-то пух… Нет, не пух, а мелко порванные кусочки поролона, словно с десяток цыплят исщипал матрас на кровати.

Я наклонилась, протягивая руку. Поролон. Им еще игрушки набивают… В ближайших кустах торчал серый комок. Разорванная плюшевая собака. Серая, лохматая, с улыбкой, вышитой красными нитками.

Такую недавно Макс подарил Маринке. Подарок всегда лежал на подоконнике. Я помню, что Маринка постоянно ту собаку гладила. Но это было в прошлой жизни. Теперь девочке игрушка не нужна. Или, может, Маринке не нужен тот, кто игрушку подарил?

Я собрала разлетевшийся наполнитель и шагнула к окну. За белыми шторами никого видно не было – Маринка почувствовала меня и спряталась. Что ей меня бояться, если она ничего не знает? Или уже знает? Какой-нибудь доброжелатель предупредил?

Вокруг было пусто. Ни души. Припаркованные машины, асфальтовые дорожки, кусты, поникшие деревья.

Осень… Это все больная, насморочная осень. Скоро зима. Скоро все пройдет.

Подъезд жил своей неспешной жизнью. Где-то хлопала дверь, стучали подошвы ботинок, ухал мусороприемник, пахло табаком. Я вытянула из кармана ключи, на ощупь нашла самый маленький и подошла к почтовому ящику. Рекламная газета, маленькие листовки тоже с рекламой. Белый конверт потянулся за газетой и застрял, зацепившись за угол дверцы.

Из Москвы! «Главпочтамт. А/я 156». Кому? Марии Гурьевой? Ничего особенного, письмо как письмо, довольно плотное. Только что-то я не помню, чтобы мне раньше приходили конверты из столицы.

Я сунула газеты под мышку и прямо на лестнице стала вскрывать странное послание. Конверт пришлось разорвать, потому что сложенный втрое плотный листок из него не вылезал. Сразу бросилась в глаза богатая шапка с тиснением: «Московское правительство и Министерство образования…» «Мария Сергеевна Гурьева приглашается…» сроки Олимпиады с 11 по 12 ноября… копия письма направлена в гимназию №… города… проезд, проживание и питание за счет организации… с собой иметь паспорт…»

Какая Олимпиада? Какая литература? Из Москвы? Олег!

Бумага не комкалась, хотя мне страшно хотелось ее измять, изорвать и выбросить в мусор.

Вот и вызвали меня в Москву. Придумали причину, чтобы я приехала. Убедительную причину.

Да как он посмел! Сочинили шутку! Конечно, меня с такой бумагой не только в Москву отправят. Меня вытолкают руками и ногами да еще с напутствием, чтобы возвращалась с победой.

Снова пробежала письмо глазами.

Красиво. Очень красиво. Только не собираюсь я к ним ехать. У меня и дома дел хватает!

Пальцы уже потянулись порвать дорогой бланк, но остановились. Черт возьми! Копия – в школу. Сейчас начнется…

Я растерянно глянула на вскрытую дверь мастерской.

Нет, я пока не уеду, здесь еще не произошло самое интересное.

Надо же, я улыбаюсь! Кажется, игра начинает мне нравиться. Ладно, вы сделали свой ход, теперь моя очередь. Я придумаю, что вам всем ответить. Невероятно забавно!

Лифт знакомо загудел, жалуясь, что его весь день заставляют работать. На двенадцатом этаже я постояла около тупиковой лестницы, ведущей на чердак. Сколько же раз мы здесь с Максом встречались? Он сидел на ступеньках, слушал музыку, а я выходила из лифта. Замечательное было время.

Как там в книжке у Олега? Мысль материальна? Если чего-то очень захотеть, то оно сбудется? Пора придумывать подходящие желания.

День тянулся бесконечно долго. Ни одного дела из тех, за которые я бралась, довести до конца не получалось. Я то принималась разбирать сумку, то шла читать Бунина. От его «Легкого дыхания» мне стало душно, потому что все это было неправильно, фальшиво. Любовь вовсе не то бытовое, плотское, некрасивое, что вырисовывали классики. На самом деле любовь – вечные расставания и встречи. И снова расставания, и снова встречи.

Я поставила чайник, чтобы заварить кофе, и забыла о нем. Текла вода – я вымыла яблоко и ушла, не закрутив кран. От окна меня тянуло в комнату родителей, оттуда я шла к себе, включала телевизор, где неожиданно натыкалась на крупный план целующейся парочки. От ее вида мне захотелось есть, и я пошла на кухню, открыла холодильник. Повертела в руках пачку творога и положила его обратно.

На глаза попалась зеленая книжка. Ах да, суеверия… Что у нас тут еще интересного? Приметы на любовь. «Если девушка встречается со своим возлюбленным и целует его в новолуние – это очень хорошо, поскольку в таком случае она скоро станет его невестой». В новолуние? Сейчас луна убывающая, значит, надо подождать полмесяца… «Примета связана с верой в то, что нечистая сила и ведьмы выходят из укромных мест в полнолуние, резвятся все время, пока луна убывает, а потом прячутся. Значит, в новолуние никто не сможет сглазить или помешать влюбленным».

Влюбленным… Слово-то какое…

«Выбирая место для встречи, стоит предпочесть берег моря, подножие холма или лесную чащу – это означает, что влюбленные будут друг другу верны, и чувство их не пройдет. Места эти чисты от демонов и злых сил. Встречи же на перекрестках и мостах, у каналов и прудов, а также на равнинах добра не принесут. Также влюбленные не должны встречаться на ступенях. Особенно дурной приметой считается целоваться или обниматься, стоя на лестнице».

А лестница-то им чем не угодила?

Я перелистнула несколько страниц. Пятница, тринадцатое… О, что-то знакомое!

«Пятницу, тринадцатое, принято считать недобрым числом из-за поверья, что тринадцатого числа каждого месяца ведьмы и вурдалаки собираются на шабаш, – поэтому любое начинание в этот день будет неудачным. Число получило дурную славу в память о Тайной Вечере, на которой собрались Христос и двенадцать апостолов, всего тринадцать человек, среди которых был предатель Иуда. Пятница также была днем встречи нечисти, поэтому на Руси никто никогда не пускался в путь в этот день. Соединение пятницы и тринадцатого числа считалось черным вдвойне. В пятницу же тринадцатого более семисот лет назад прекратила свое существование самая могущественная организация – орден тамплиеров. Тринадцатого апреля, в пятницу, многие ее члены были схвачены инквизицией, подвержены пыткам и сожжены на кострах. Но не потому ли это число приносит несчастье, что мы заранее настраиваемся на них?»

Какая милая книжица. Почитаешь ее и поверишь, что тебя окружают одни знаки – перекрестье оконной рамы, погнувшаяся герань в цветочном горшке, английская булавка, приколотая к лацкану пиджака, брелок с жуком-скарабеем, купленный в Египте. Говорят, он приносит удачу…

Из дремотного состояния меня вывел звонок телефона.

Аппарат на тумбочке в прихожей издавал мелодичный перезвон, сообщая, что со мной кто-то хочет поговорить. Я прислушалась, не звонит ли сотовый. Если Макс мог узнать номер моего мобильного, он мог узнать и домашний!

– Алло! – сорвала я трубку, готовая услышать мягкий голос, который сейчас для меня был бы нежнее любого другого звука.

– Привет, Мишлен!

В первую секунду я опешила. Колосов! От досады закусила губу.

– Привет! – машинально произнесла я. Обидно. Ну, почему не Макс? Почему Пашка?

– Дочерна загорела? – орал в трубку Колосов. Он-то наверняка был рад меня слышать. Я, впрочем, тоже. Но все-таки ждала я не его.

– Как негр. – Ладно, Пашка – это тоже хорошо. – И волосы у меня теперь короткие и кудрявые. А у тебя что?

– Как что? – искренне возмутился Колосов, как будто я забыла пригласить его на собственный день рождения. – На тренировку идешь?

Я глянула в окно. Незаметно за моими бестолковыми перемещениями по квартире наступил вечер. Вот так живешь, живешь и ничего не замечаешь!

– Пойду, – ответила я, чувствуя, как мысль о тренировке заставляет меня выпрямиться. Почему я о ней не подумала? Мне же всегда нравилось фехтование! Стоило мне раньше переступить порог спорткомплекса, как все неприятности забывались.

Точно! Мне нужна тренировка! Она сразу все расставит по своим местам.

– Тебя родители-то отпустят? – Судя по голосу, Пашку тревожил этот вопрос. – Ты про нашего маньяка не забыла? Я за тобой зайду. Можно еще кого-нибудь позвать, чтобы обратно идти спокойней было. Хочешь?

Колосов был трогателен своей заботой. А позвать с собой можно парочку вампиров, чтобы надежней было. Я даже знаю, кто с удовольствием откликнется на мое предложение.

– Если не боишься, заходи, – разрешила я. Что-то такое было, связанное с тренировками… Надо же, один звонок все мысли из головы выгнал. – Да, конечно, пойдем. Мне тренировки по ночам снились…

Точно, сны о тренировках, где я убиваю Макса… Может, не ходить?

– Не боюсь я ничего! – буркнул Пашка. Кашлянул и тише добавил: – А правда, что он тебя бросил?

– Кто? – машинально переспросила я, хотя и так было ясно, о ком он говорит. О ком еще здесь вообще можно говорить! – Откуда ты знаешь?

– А чего тут знать? – хмыкнул Колосов. Затем в трубке послышалось напряженное сопение. – Он тебя обидел? Увижу его, морду набью.

– Ты забыл, что он супермен, – напомнила я. – Входит в окно и умеет лазить по стенам.

– Плевать! Пусть только покажется! – Пашкин голос набирал обороты. – Прямо в окно и выйдет!

– Не покажется. – В раздражении Колосова было что-то забавное. Ах, его величество сердится…

– Куда он денется! – заверил меня Пашка.

Оказывается, он бóльший оптимист, чем я. Во мне жило сомнение, что Макс вернется, а Колосов не сомневался в этом. Пять баллов!

– Ты потому и собираешься меня провожать? – поразилась я внезапно пришедшей догадке. – Думаешь, встретим его по дороге? Не надейся, не встретим!

– Козел он, твой Макс! – окончательно расстроился Колосов. – Я скоро.

Мои сборы на тренировку были приблизительно похожи на то, как прошел весь день. Я что-то клала в сумку, потом доставала, пила чай, вспоминала, что перед тренировкой лучше не есть, искала тапочки…

– Смерти быстрее дождешься, чем тебя! – завелся Пашка с полоборота, как только я спустилась вниз. – Чего застряла? Опоздаем.

– Ну, когда это ты опаздывал? – поддела я его.

Колосов был невероятно пунктуален. Всю дорогу теперь будет зудеть из-за пяти минут, что прождал меня во дворе… Но Пашка молчал. Шел чуть впереди, гнал перед собой сумку – пинал ее ногой, так что она всегда оказывалась на шаг перед ним, – и молчал. Речь готовит. Будет признаваться в любви.

Эх ты, Пашка, Пашка… Я сравнялась с ним, потрепала по волосам. Он недовольно мотнул головой и убежал вперед.

Ему сейчас должно быть хорошо. Макс исчез, препятствий никаких, можно перестать ревновать и затевать дуэли на саблях.

Мое появление на тренировке было встречено дружными аплодисментами. Из-за каникул и истории с мастерской я пропустила соревнования. Но наши и без меня выиграли. Так что все не так плохо.

Одного взгляда на зал было достаточно, чтобы от моей уверенности не осталось и следа. Он был такой же, как во сне. Светлый, с нарисованными на полу зонами для игры в волейбол и фехтовальными дорожками. Пол знакомо потерт сотней кроссовок.

– Чего застыла? Идем переодеваться.

Пашка явно взял сегодня надо мной шефство. Вытолкал из зала, подведя к дверям раздевалок. Меня тут же затянул водоворот поцелуев и объятий. В раздевалке полным ходом шло обсуждение последних новостей. Девчонки рассказывали, кто и как провел каникулы, пытались что-то узнать у меня, но я пару раз ответила невпопад, и от меня отстали.

Руки тряслись. К чему бы? Что страшного может произойти? Разомнемся, побегаем, отработаем удары. Все как всегда.

Шнурки на тапочках не завязывались. Путались, выскальзывали из пальцев. Я с силой топнула ногой, приводя себя в чувство. Ничего не случится! Мне всего-навсего снились сны, а сейчас будет обычная тренировка. Я заставила себя думать только о шнурках. Так, что тут с ними надо делать? Взяла шнурок, перекинула, провела снизу, сделала петлю, протянула ее вверх. Хорошо. Теперь второй – вытянуть петлю, завязать…

Паника навалилась на плечи, заставив втянуть голову, и я резко выпрямилась. В раздевалке никого не было, все ушли в зал.

Быстрее!

Я выбежала, закрыв за собой дверь. Все в порядке. Нервы. Надо больше спать, пить витаминчики…

Ребята разбрелись по залу – мы так давно занимаемся, что тренировка начинается без лишнего напоминания. Разноцветный прямоугольник пола. Высокие и узкие под потолок окна, забранные решетками. От них на пол падает сетчатая тень. И все, кто попадает в ту зону, становятся такими же сетчатыми, словно ночь пытается их поймать, затянуть к себе.

Зал… Да, да, зал был таким и во сне. Пол, стены…

– Ты чего так смотришь?

Пашка прошел у меня за спиной, и я словно опомнилась. Тени стали тенями, сетка сеткой. Никто никого не собирался затягивать или убивать.

Я заправила перчатки за пояс, резко взмахнула руками, размяла запястья, непроизвольно оглядывая себя. В чем-то похожем я была в своем последнем сне… Белое с красным. Хотя при чем здесь сон? Я всегда так одеваюсь.

– Приготовились! – Тренер вышла из раздевалки, предлагая нам разобрать оружие.

Уже? А разминка?

Народ надевал перчатки, молча расходился по дорожкам, примеряя по руке оружие. Я поискала глазами Пашку. Его не было. То маячил все время за спиной, то вдруг исчез…

– Гурьева! Место!

Я спешно сунула руки в перчатки, взяла последнюю саблю, удобней перехватила маску и пробежала вдоль лавок, ища свободного партнера. Все стояли в парах. И почему-то старались не встречаться со мной взглядами.

– Маша!

Крик метнулся под потолок, задержался около каната, закрепленного около шведской стенки, упал на меня. Вот он, Пашка, никуда не делся. Как всегда перед боем, нервно накручен. Как всегда, рвется загонять меня до седьмого пота. Маску только зачем-то раньше времени нацепил.

Я тоже надела маску, выдохнула тревогу, подняла саблю. Рука дрожала, от чего клинок плавал по воздуху. Я опустила оружие. Все было как-то неправильно, не по-настоящему. Тренировки меня всегда радовали, а сейчас… Зря я сюда пришла. Надо уходить.

Как только я так решила, Пашка кивнул и направил на меня саблю.

Еще можно было ему крикнуть, чтобы он остановился, сказать, что я не в настроении, что ничего не получится…

– Бой! – раздалось вместе со свистком.

И Колосов пошел в наступление. Я блокировала удар, чуть наклонилась в сторону, чтобы занести руку для атаки. Блок. Удар. Я блокирую и понимаю, что мы уже какой раз разыгрываем «кузнечика» – определенный набор нападений и защиты. Пашка действовал механически. Его движения были ровны, он не импровизировал, работая, как робот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.